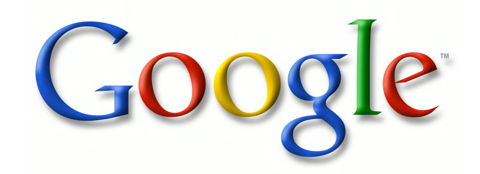

DK
3
.L42
B 833,301

П. Лавровскій.

1855.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

о

ЛѢТОПИСИ ЯКИМОВСКОЙ.

СОСТАВИЛЪ

П. А. Лавровскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1855.

Отдѣльные оттиски изъ II-й книги Ученыхъ Записокъ, издаваемыхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Май, 1855 года.

Непремѣнный Секретарь
Академикъ *А. Миддендорфъ.*

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О

ЛѢТОПИСИ ЯКИМОВСКОЙ.

Якимовская лѣтопись до сихъ поръ еще, не смотря на раннее свое появленіе и на успѣшную современную дѣятельность по исторіи отечественной, представляется какою-то загадкою и составляетъ собою вопросъ, почти нетронутый критикою. Такое равнодушіе, даже холодность къ памятнику, были бы понятны, ежели бы, съ перваго взгляда каждому знакомому съ историческими матеріалами, онъ предлагалъ слѣды несомнѣннаго подлога, если бы всѣ или большая часть ученыхъ были согласны другъ съ другомъ въ невозможности отвратить подозрѣніе на счетъ его подлинности. Но что сказать о равнодушіи къ такъ называемой Якимовской лѣтописи, когда съ самыхъ первыхъ годовъ ея обнародованія, до послѣдняго времени, мы встрѣчаемъ непрерывающуюся борьбу въ мнѣніяхъ о ней въ ученомъ мірѣ историческомъ; когда эта борьба идетъ между людьми, справедливо заслужившими своими изслѣдованіями всеобщее уваженіе, сдѣлавшимися авторитетомъ; когда, при всей рѣзкости и безусловности отзыва одного какого либо изъ авторитетовъ, по видимому, окончательно рѣшающаго дѣло съ Якимовскою лѣтописью, рѣдко проходило пять лѣтъ, чтобы кѣмъ либо и гдѣ

нибудь не было высказано такъ же рѣзко и такъ же безусловно замѣчаній, противорѣчащихъ прямо отзыву первому и снова ставящихъ вопросъ объ этой лѣтописи въ число нерѣшенныхъ и спорныхъ? Ежели споръ есть, ежели въ теченіе почти столѣтія не установилось согласія въ мнѣніи, то и лѣтопись Якимову нельзя ставить въ рядъ очевидныхъ, безстыдныхъ подлоговъ, слѣдовательно есть возможность критики, возможность изслѣдованія, возможность рѣшенія, и, между тѣмъ, съ 1768 года, когда впервые явился въ печати отрывокъ лѣтописи, по 1846 годъ, когда въ первый разъ начали оправдывать нѣкоторые частные факты, внесенные въ этотъ отрывокъ; кромѣ болѣе или менѣе голословныхъ мнѣній, замѣчаній, совѣтовъ заняться подробнымъ разборомъ, оцѣнкою, правдивымъ и внимательнымъ судомъ, ничего не было сдѣлано для этого рѣшенія. Такое явленіе, по моему мнѣнію, вполнѣ зависѣло, зависитъ отчасти и теперь, единственно отъ обстоятельствъ, при которыхъ открытъ заподозрѣнный памятникъ, и отъ положенія въ ученомъ мірѣ лицъ, которыя впервые объявили печатно противоположное о немъ мнѣніе. Оба эти обстоятельства сводятся къ одному — къ значенію въ литературѣ отечественной исторической двухъ личностей: Татищева и Шлецера.

Татищевъ явился въ такое время, когда никто и не думалъ о составленіи Русской исторіи, тѣмъ менѣе о критической исторіи. Въ немъ первомъ пробудилось желаніе написать ее и, конечно, изъ глубокаго сознанія недостаточности уже однѣхъ лѣтописей и необходимости связнаго, очищеннаго критикою разсказа[1]. Трудно было и ожидать въ то время лучшаго человѣка:

---

1. Эту необходимость онъ долженъ былъ почувствовать, ознакомившись съ состояніемъ науки на западѣ, куда былъ отправленъ въ числѣ отборныхъ молодыхъ дворянъ *для ученія* Государемъ Петромъ Великимъ въ 1704 году. Едва ли не за границей впервые и пробудилось это чувство; по крайней мѣрѣ нѣтъ основанія недовѣрять Татищеву, что онъ трудился надъ исторіею, которую окончилъ въ 1739 году, цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Шлецеръ сокращаетъ этомъ срокъ до двадцати лѣтъ, основываясь на томъ, что самъ Татищевъ приводитъ поводомъ къ занятію исторіею порученіе Брюса написать обстоятельную Россійскую географію, чего, по мнѣнію Татищева, сдѣлать было не возможно *безъ достаточной древней исторіи* (т. I, предъизвѣщ., стр. XX). Но одно дѣло писать исторію, и совсѣмъ другое заниматься ею и приготовлять себя къ ея составленію.

будучи по рожденію Русскимъ, знакомый, быть можетъ, хоть урывками, еще съ молоду, съ вращавшимися въ отечествѣ хронографами, вполнѣ понимавшій ихъ языкъ, какъ ему родной, онъ могъ съ большею пользою примѣнить успѣхи по исторіи на западѣ (съ которыми имѣлъ случай познакомиться въ бытность свою за границею) къ исторіи Россіи. Ни Байеръ, ни Миллеръ, какъ не знавшіе языка Русскаго, не сдѣлали и никогда не могли сдѣлать того, что совершилъ Татищевъ: и тотъ и другой, нѣмецкіе ученые, по неволѣ должны были пуститься въ изслѣдованіе частныхъ вопросовъ, для которыхъ совершенно не наступило еще время, и оставить въ сторонѣ самое необходимое — собрать, привести въ связь разнородныя извѣстія, хранившіяся во множествѣ разбросанныхъ списковъ лѣтописей. Происхожденіе и положеніе въ обществѣ Татищева доставляли ему и несравненно сильнѣйшія побужденія и удачнѣйшія средства къ выполненію его предпріятія. Съ одной стороны, какъ Русскій и человѣкъ образованный, онъ не могъ не сознавать глубоко огромнаго недостатка въ отсутствіи исторіи и не находить истиннаго наслажденія въ занятіяхъ ею; съ другой — какъ лице должностное, служившее въ различныхъ и отдаленныхъ краяхъ обширной Россіи, онъ имѣлъ гораздо больше возможности обогатить себя матеріалами, до которыхъ не касалась еще ни одна рука ученаго, и которые принуждены бы были, безъ подобныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, еще долго скрываться отъ его взора, какъ составлявшіе большею частію собственность частныхъ лицъ. Взглядъ свой на исторію отечественную Татищевъ высказалъ въ предъизвѣщеніи къ первому тому[2], гдѣ съ жаромъ нападаетъ на многія ложныя извѣстія, часто выдумки писателей иностранныхъ, преимущественно Нѣмцевъ и Поляковъ. Что же касается до того, какъ воспользовался онъ счастливымъ своимъ положеніемъ для собранія матеріаловъ, то доказательствомъ тому можетъ служить большой запасъ рѣдчайшихъ рукописей, къ сожалѣнію, уже погибшій для нашего времени. Вспомнимъ списки: Раскольничій, доведенный до 1197 г.; Голицынскій, до 1198 г.; Іосифовскій, Волынскій, Полоцкій —

2. Татищ., I, I — XXVIII.

Еропкина, Смоленскій — Хрущова, о которыхъ нѣтъ болѣе и слуха; не говоря уже о тѣхъ, которые были извѣстны также Татищеву, употреблены имъ при составленіи исторіи, и которые уцѣлѣли до позднѣйшаго времени[3]. Но здѣсь невольно сталкиваешься съ сомнѣніемъ, съ недовѣрчивостію къ Татищеву, что и дѣйствительно не замедлило внѣдриться въ ученыя сужденія о его трудахъ. Кто можетъ вполнѣ положиться на убѣжденія Татищева въ подлинномъ существованіи у него этихъ списковъ, равно и въ подлинной древности послѣднихъ, когда большая часть изъ нихъ погибла прежде, чѣмъ сдѣлалась извѣстною кому либо другому, кромѣ Татищева? Не могъ ли онъ обманываться самъ и обманывать другихъ, или даже, сознавая самъ непрочность достовѣрности своихъ матеріаловъ, упорно утверждать ихъ несомнѣнность въ глазахъ постороннихъ? Примѣняя всѣ правила критики къ нашему историку первой половины прошлаго вѣка, мы не можемъ, не увлекаясь громкимъ голосомъ скептиковъ, открыть ни въ одномъ изъ нихъ признака, который бы налагалъ темное пятно на добросовѣстность Татищева. Вступленіе его въ государственную службу; отличіе, которымъ почтилъ его прозорливый Монархъ при выборѣ молодыхъ дворянъ за границу; быстрое возвышеніе по службѣ (на 34-мъ году онъ былъ уже капитанъ-поручикомъ, на 47-мъ году — дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, на 51-мъ — тайнымъ); полная *довѣренность къ нему Императрицы Анны Іоанновны, съ какою ни прежде, ни послѣ Татищева никто не былъ посылаемъ въ Сибирь для управленія горными заводами*[4]; усердіе и трудолюбіе, съ какимъ онъ дѣйствовалъ тамъ и чѣмъ произвелъ улучшеніе по всѣмъ частямъ управленія[5] — все это можетъ только рѣшительно уничтожать тѣнь подозрѣнія къ намѣренному имъ извращенію истины, тѣмъ болѣе къ подлогу. Цѣль составленія исторіи, высказанная самимъ авторомъ, не менѣе ручается за чистоту его труда и за

---

3. Тамъ же, гл. 7, стр. 60 — 64. Сравн. Иванова, Учен. Зап. Казанск. Унив., 1843, кн. II и III, стр. 84 — 85, прим.

4. Словарь свѣтск. писат., стр. 192.

5. Тамъ же, стр. 193.

любовь къ истинѣ. Признательность къ мудрому Государю, который доставилъ Татищеву, по его же словамъ, все, что только имѣлъ онъ — чины, честь, состояніе, и, главное надъ всѣмъ, даже разумъ, была для него главнѣйшимъ побужденіемъ предпринять трудъ историческій[6]. Какъ сильна была въ немъ любовь къ правдѣ, видно изъ выставленныхъ имъ препятствій для составленія исторіи новой: Татищевъ рѣшился лучше отъ нея отказаться, какъ ни согласнѣе она была съ его цѣлію и побужденіемъ, чѣмъ писать ее противъ совѣсти и убѣжденія[7]. Движимый добросовѣстностію, Татищевъ, и по окончаніи своей исторіи, не рѣшился обнародовать ее, не посовѣтовавшись предварительно съ другими и не узнавши мнѣнія ихъ. Явившись въ С. Петербургъ, въ 1739 году, онъ многимъ ее показывалъ, «требуя помощи и разсужденія, дабы могъ что пополнить и невнятное изъяснить»; выслушивалъ терпѣливо разныя сужденія и порицанія, даже препроводилъ самую рукопись къ Новгородскому архіепископу Амвросію и, по его указаніямъ, немедленно сдѣлалъ исправленія, хотя ихъ нашлось и немного[8]. При такихъ достоинствахъ, при званіи своемъ, Татищевъ не могъ быть лгуномъ, обманщикомъ въ исторіи, тѣмъ болѣе древней, гдѣ нельзя и самому пристрастному критику объяснить цѣли лжи и обмана. Предположить увлеченіе въ немъ самомъ, — довѣріе къ матеріаламъ, неимѣющимъ права на это довѣріе, — конечно, можно: но и это останется лишь однимъ предположеніемъ, неопирающимся ни на какомъ основаніи. За исключеніемъ пока Якимовской лѣтописи, открытія и заключенія Татищева, также безусловно отвергавшіяся, все болѣе и болѣе находили и находятъ подтвержденія, а нѣкоторыя уже приняты въ науку, какъ драгоцѣннѣйшіе и несомнѣнные матеріалы, пролившіе новый свѣтъ на прежнее состояніе нашего отечества. Вспомнимъ законы о крестьянахъ 1597, 1601, 1606 годовъ, непризнанные самимъ Карамзинымъ; многія узаконенія, по Татищеву, Іоанна III Васильевича, единственный экземпляръ кото-

---

6. Т. I, предъизвѣщ., XVI.

7. Тамъ же, XXI.

8. Тамъ же, XIII—XIV.

рыхъ открытѣ только въ 1807 году[9]. То же должно сказать и относительно многихъ другихъ извѣстій историческихъ, непризнававшихся прежде потому только, что они были высказаны Татищевымъ и по его матеріаламъ, и которыя, послѣ новыхъ открытій (напр. Волынской лѣтописи) исторіографомъ, не подлежатъ болѣе сомнѣнію[10]. Вообще, очень много можно представить фактовъ, позднѣйшими изслѣдованіями оправдавшихъ извѣстія Татищева, и между тѣмъ ни одного, который бы прямо опровергалъ его; — при всемъ томъ, никакъ не рѣшимся принять на вѣру свѣдѣнія изъ его исторіи, какъ бы ни было оно согласно съ ходомъ событій вообще, если только не находимъ подтвержденія этого свѣдѣнія въ современныхъ намъ извѣстныхъ источникахъ, — и все это единственно потому, что древнѣйшія драгоцѣнныя лѣтописи Татищева не дошли до насъ. Мы забываемъ при этомъ и логическую послѣдовательность: охотно довѣряемъ Карамзинской Троицкой лѣтописи, Пѣсни объ Игорѣ графа Мусина-Пушкина, хотя списки той и другой сгорѣли тоже, и считаемъ непростительнымъ дозволить себѣ повѣрить добросовѣстному Татищеву, какъ будто криминальнымъ судомъ уже доказано, что его совѣстливость окончательно потеряла право на довѣріе. Тѣмъ страннѣе и непростительнѣе безъ суда обвинять потомству Татищева, что въ глазахъ современниковъ, знавшихъ его ближе и, слѣдовательно, правильнѣе могшихъ судить о трудахъ его, онъ не навлекъ на себя ни тѣни подозрѣнія. Ни ученый Нѣмецъ — академикъ Миллеръ, ни Болтинъ[11], въ здравой критикѣ котораго, въ познаніяхъ, остротѣ и вкусѣ, не сомнѣвался и самъ даже Шлецеръ[12], не думали заподозрѣвать матеріаловъ, открытыхъ и изслѣдованныхъ Татищевымъ. Мало того, самая Якимовская лѣтопись, какъ ни рѣзко отдѣляется она отъ сказанія преподобнаго Нестора, бывшаго уже въ то время главнымъ и исключительнымъ мѣриломъ справедливости извѣстій о древнѣйшей Россіи[13], могла возбуждать недовѣрчи-

9. Сравн. Оборона Русск. лѣтоп., Буткова, стр. 224.

10. Вѣстн. Европ., 1813, LXXII, № 6, стр. 260.

11. Примѣч. на Исторію Леклерка, I, 58 — 60.

12. Шлецер. Нестор., въ переводѣ Языкова, I, 380.

13. Предъувѣдомленіе Миллера къ I тому Истор. Татищ., стр. 2.

вость въ головѣ перваго только сама по себѣ, вовсе не подвергая ея издателя грозному обвиненію въ обманѣ или подлогѣ[14]. Что же до послѣдняго, то, не смотря на очевидное баснословіе начала этой лѣтописи, онъ не рѣшался отвергать и его, какъ обнародованнаго безукоризненнымъ Татищевымъ[15]. Главною виною несчастнаго для чести Татищева поворота въ мнѣніи о немъ, первымъ, кто высказалъ сомнѣніе самъ и проложилъ дорогу къ нему для другихъ, былъ Шлецеръ.

Не мое дѣло говорить о важномъ значеніи Шлецера въ обработкѣ исторіи отечественной; я разсматриваю его только въ отношеніи къ Татищеву и его трудамъ. Съ этой стороны великій Геттингенскій критикъ-историкъ является въ полномъ блескѣ высокаго о себѣ мнѣнія и непогрѣшительнымъ авторитетомъ въ глазахъ современниковъ и потомства. Явившись въ Россію съ глубокимъ сознаніемъ своей высокой Германской учености, нашедши въ ней науку только что начинавшуюся, по тому самому слабую, шаткую, Шлецеръ не могъ не сдѣлаться положительнымъ и рѣзкимъ въ своихъ мнѣніяхъ, нетерпѣвшимъ никакого возраженія, словомъ, диктаторомъ-историкомъ. Тому, кто понимаетъ, что Шлецеръ съ полной самоувѣренностью задумалъ положить начало настоящей исторіи Россіи, понятно, какъ долженъ былъ онъ смотрѣть на предшествовавшіе труды по этой наукѣ писателей Русскихъ, слѣдовательно и Татищева, и въ какомъ свѣтѣ считалъ для себя нужнымъ выставить этихъ писателей и въ глазахъ другихъ. Не думая подробно разбирать трудовъ Татищева, чтобы изъ нихъ вывести заключеніе о недостаткѣ ихъ и невѣжествѣ автора, Шлецеръ полагалъ для себя достаточнымъ высказать голословное сужденіе, въ увѣренности, что ему не могутъ не повѣрить, и обратился на самую личность Татищева, которой не зналъ и о которой не хотѣлъ справиться. Такимъ образомъ явился у него Татищевъ, еще въ 1720 году, *писаремъ*[16], *совер-*

---

14. Ежемѣсячн. сочин. Іюль, 1761.

15. Обор. Русск. лѣтоп., Буткова, стр. 225.

16 Хотя писаремъ онъ никогда не былъ, а былъ письмоводителемъ при фельдмаршалѣ графѣ Брюсѣ; тѣмъ менѣе могъ быть писаремъ въ 1720 году, когда въ чинѣ капитанъ-поручика отправленъ въ Уральскіе горные заводы для приведенія ихъ въ лучшее состояніе (Слов. свѣтск. писат., 190. О высокомъ для того времени образованіи Татищева см. Обор. Буткова, стр. 222—228.

шенно неученымъ человѣкомъ, не знавшимъ ни одного изъ новѣйшихъ языковъ; «четыре же его книги, хотя написанныя съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, почти безполезными; прославились же онѣ въ глазахъ современниковъ, сдѣлались оракуломъ всѣхъ читателей лѣтописей, быть можетъ отъ запрещенія, по вольному образу мыслей автора, навлекшаго на себя подозрѣніе не только въ духовномъ, но и въ политическомъ вольнодумствѣ»[17]. Опрометчивость и совершенная бездоказательность этихъ словъ всего очевиднѣе обнаруживается въ самомъ изслѣдованіи Шлецера. Составивши такое мнѣніе о Татищевѣ, по видимому, не за чѣмъ было бы и пользоваться его сочиненіемъ, и однако весь отдѣлъ о лѣтописцахъ Шлецеръ выписалъ изъ Татищева по собственному признанію[18]; унизивши его позорнымъ именемъ невѣжи, онъ говоритъ однакоже, что «Татищевъ всегда будетъ заслуживать *благодарность и уваженіе;* и что на слова его нельзя полагаться только до тѣхъ поръ, *пока критика не утвердитъ вѣры къ нему*[19]; а самъ безъ всякой критики отнялъ довѣріе къ Татищеву и въ себѣ и, что гораздо хуже, въ другихъ; уничтоживши всякое ученое значеніе исторіи Россійской, приписавши ея извѣстность и любовь къ ней въ публикѣ только мнимому запрещенію, Шлецеръ не умалчиваетъ, что «въ сужденіяхъ и примѣчаніяхъ Татищевъ приводитъ часто разнословія изъ такихъ списковъ, *которые были только у него въ рукахъ»*, и тутъ же не затрудняется утверждать, что «Татищево все сочиненіе, собственно говоря, есть точное, *хотя часто невѣрное* извлеченіе изъ многихъ временниковъ»[20], какъ будто по особенному дару предвѣдѣнія онъ могъ узнать невѣрность извлеченій изъ такихъ матеріаловъ, которые, по его же словамъ, знакомы были одному Татищеву. Какой же отзывъ послѣ этого могъ сдѣлать Шлецеръ о Якимовской лѣтописи, которая первою половиною своею каждому указываетъ на баснословіе и выдумки? «О такой глупости не

---

17. Шлец. Нестор. I, рмг, 26.
18. Тамъ же, I, кз.
19. Тамъ же, I, дѯ.
20. Предъувѣдомл. къ т. I, VII.

сказалъ бы онъ ни одного слова, если бы въ 1792 году, въ Петербургѣ, Фейкнеръ не утверждалъ вѣрности сей пустой выдумки»[21]. Въ подтвержденіе высокой истины словъ своихъ, профессоръ Геттингенскій выписалъ и начало отрывка подозрѣваемой лѣтописи, гдѣ говорится о Скиѳѣ и Словенѣ, объ Аланахъ и Амазонахъ, о Бастарнѣ и Вандалѣ, что никакъ не можетъ не оправдывать его отзыва. Но гдѣ же вторая часть этой лѣтописи, надъ которою можно бы подумать и Шлецеру, критическою разработкою которой не унизительно было бы заняться и его по преимуществу критическому уму? Объ ней ни полслова, — и однако, единственно на основаніи начала, грозный приговоръ произнесенъ на всю лѣтопись, и стала она глупостію, пустою выдумкою, лѣтописью ложною[22], явившеюся подозрительнѣйшимъ образомъ, чего будто не скрываетъ и издатель![23] Но надобно же было представить хоть кажущееся доказательство невозможности существованія лѣтописи, и великій Германскій историкъ говоритъ: «Если бы существовала *когда нибудь* настоящая Іоакимовская лѣтопись; то возможно ли, чтобы Несторъ ее не зналъ и не привелъ ее въ свидѣтельство, особливо, если бы сіи древнѣйшія извѣстія, какъ въ отрывкѣ ложной Іоакимовой лѣтописи, совершенно отличались отъ Несторовыхъ»[24]; какъ будто необходимо несуществованіе многаго изъ того, чего не зналъ Шлецеръ, и что было извѣстно многимъ и не такимъ великимъ критикамъ, и въ его время, напр. хоть бы существованіе князей у Славянъ Русскихъ до образованія государства Русскаго, что съ такимъ упорствомъ отвергалъ Шлецеръ. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ себя въ правѣ насмѣи-

21. Тамъ же, I. 26.

22. Тамъ же, I, 371.

23. Тамъ же, I, 19. *Веніаминъ монахъ токмо для закрытія вымышленъ*, говоритъ Татищевъ въ 1-мъ примѣчаніи на Якимовск. лѣтопись (стр. 42), — и этого было достаточно Шлецеру, чтобы убѣждать всѣхъ въ признаніи Татищевымъ подложности этой лѣтописи. Шлецеръ не сообразилъ всѣхъ обстоятельствъ открытія манускрипта: изъ нихъ ясно увидѣлъ бы онъ, что тутъ дѣло идетъ объ архимандритѣ Мельхиседекѣ и что послѣдній сослался на Веніамина для прикрытія своей личности. Срав. Обор. Буткова, стр. 225.

24. Шлец. Несторъ, I, 84.

ливо упрекать *нѣкоторыхъ* людей, вѣровавшихъ въ Якима, и сравнивать ихъ съ учеными Венгерскими, не отвергавшими безусловно, подобно ему, извѣстій Нотарія короля Бѣлы[25]. Его громкій голосъ, рѣзкое сужденіе, Нѣмецкая ученость, взглядъ современниковъ на него въ Россіи, какъ на авторитетъ, невольно увлекли за собою большинство, и это большинство, не смотря на голословность заключеній Шлецеровскаго трибунала, не взирая на очевидныя частныя противорѣчія въ этихъ заключеніяхъ, слѣпо пошло по его слѣдамъ, боясь отступить на шагъ въ сторону, дозволяя себѣ сдѣлать скачекъ развѣ только впередъ него, т. е. изъ темныхъ и неопредѣленныхъ намековъ Шлецера о Татищевѣ высказывать прямой и положительный приговоръ о немъ, лишь бы только былъ согласенъ онъ съ общимъ направленіемъ Геттингенскаго судьи. Его приговоръ служилъ для этого большинства и доказательствомъ, замѣнявшимъ подробный критическій разборъ самаго предмета. Такъ уже въ 1803 году авторъ статьи о тайной канцеляріи[26], обвиняя Татищева за мысль, что послѣдняя препятствовала составленію лѣтописи со времени Михаила Θеодоровича, говоритъ положительно, какъ его исторія, вмѣстѣ съ Якимовскою лѣтописью, наполнена *многими* любопытными *анекдотами*, источника которыхъ мы никогда не узнаемъ. Отзывъ нашего исторіографа едва ли также не прошелъ чрезъ вліяніе Шлецера: онъ считалъ отрывокъ Якимовскій шуткою Татищева, не болѣе[27], хотя и далъ ему мѣсто въ примѣчаніяхъ къ своему безсмертному труду. Послѣ него, слѣдовательно послѣ двухъ авторитетовъ, сдѣлалось еще труднѣе сказать что либо за Татищева и изданный имъ отрывокъ. Самъ Калайдовичъ, столь же осторожный и умѣренный въ отзывахъ, сколько трудолюбивый и внимательный въ собственныхъ изслѣдованіяхъ, объявилъ[28], оговорившись: да не оскорбится почтенная тѣнь Татищева, что его труды историческіе, вмѣстѣ со многими открытіями, повели и ко многимъ заблужденіямъ. Онъ выставилъ и эти заблужденія, равно и осно-

---

25. Тамъ же, II, 376.
26. Вѣстн. Европ., 1803, VIII, № 6, стр. 127—128.
27. Татищ., I, XXVII—XXX.
28. Вѣстн. Европ., 1813, LXXII, № 6, стр. 208—210.

ваніе, по которому считаетъ ихъ такими. Основаніе это — безмолвіе Татищева на вопросъ читателя: откуда онъ взялъ многія подробности, помѣщенныя въ его лѣтописаніи? Въ этомъ выраженіи высказалось и безмолвное признаніе недобросовѣстности Татищева, по крайней мѣрѣ очевидное недовѣріе къ дѣйствительности пользованія имъ такими матеріалами, которые принадлежали только ему одному, что не могло быть неизвѣстно и Калайдовичу, конечно, не разъ читавшему и справлявшемуся съ Россійскою Исторіей. Изъ этихъ матеріаловъ и почерпалъ свои извѣстія Татищевъ, которыя считаетъ заблужденіями Калайдовичъ. Онъ не обратилъ при этомъ вниманія и на важное свое замѣчаніе относительно нападеній Стриттера на Татищева. Многіе изъ упрековъ перваго послѣднему, послѣ открытія лѣтописи Волынской и Кіевской Карамзинымъ, оказались несправедливыми, говоритъ Калайдовичъ, и Татищевъ остался во многомъ оправданнымъ. Точно то же могло произойти и съ другими извѣстіями, признанными преждевременно заблужденіями; и если бы въ 1813 году передъ глазами Калайдовича лежали всѣ нынѣ извѣстные источники, или хоть Оборона Русской лѣтописи Академика Буткова, то онъ увидѣлъ бы, что это и дѣйствительно произошло, кромѣ развѣ извѣстія объ одной лѣтописи Якимовской. Эти заблужденія, по всей вѣроятности, не намѣренныя, не злоумышленныя въ глазахъ Калайдовича, сколько можно судить по общему отзыву его о Татищевѣ, «какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ, достойномъ уваженія»[29], подъ перомъ Полеваго превратились *во многія выдумки*, переполнившія труды историка XVIII вѣка[30]. Даже Погодинъ не удержался отъ увлеченія и, высказывая негодованіе на историковъ XVIII столѣтія за вѣру ихъ къ ложной Якимовской лѣтописи, называлъ ихъ *неучеными нашими историками*[31]. Такъ судили люди, для которыхъ историческія изслѣдованія составляли если не исключительный, то главнѣйшій предметъ занятій, и они считали для себя вполнѣ позволеннымъ довольствоваться бездоказательнымъ отзывомъ Шлецера, какъ будто вопросъ о Татищевѣ и за-

29. Тамъ же, стр. 210.

30. Отечеств. Зап., Свиньин., 1823, № 42, стр. 52.

31. Тамъ же, 1826, № 71, кн. I, стр. 363.

гадочномъ его отрывкѣ былъ рѣшенъ имъ окончательно, такъ что послѣдующему поколѣнію ученыхъ можно только вторить ему, ссылаться на него. Что же сказать объ отзывахъ многихъ другихъ писателей по исторіи, до 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, которые никогда и не думали употреблять времени и трудовъ на ея разработку? Но ежели съ одной стороны голосъ Шлецера былъ такъ громокъ и силенъ, что нашелъ себѣ звонкій отголосокъ во многихъ послѣдующихъ писателяхъ и ученыхъ; то съ другой — и старое мнѣніе о совѣстливости, трудолюбіи и осмотрительности Татищева не прекращалось совершенно, а вмѣстѣ съ нимъ не умерла и прежняя довѣренность къ его матеріаламъ и замѣчаніямъ. Такъ еще въ 1810 году, авторъ критики на сочиненіе: О Несторѣ и продолжателяхъ его лѣтописи[32], старался оправдать Татищева въ приписываемыхъ ему ошибкахъ, относя ихъ къ издателю Россійской Исторіи, упрекая послѣдняго въ крайней небрежности, называя при этомъ самого автора Исторіи самымъ осмотрительнымъ въ наукѣ[33]. Увѣренность составителя этой критической статейки въ добросовѣстности Татищева такъ была сильна, что, не находя въ лѣтописи подтвержденія его замѣчанію, будто лѣтописецъ, разсказывающій о Василькѣ, былъ посланъ во Владиміръ *смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей*, рѣшительно объявляетъ: «нѣтъ сомнѣнія, что покойный Татищевъ нашелъ сіи слова въ какомъ либо спискѣ»[34]. Самъ Калайдовичъ, утверждавшій, какъ видѣли выше, многія заблужденія въ Россійской Исторіи, не оскорблялъ личности ея автора, отзывался о немъ даже съ большою похвалою, какъ «о трудолюбивомъ мужѣ временъ Петра Великаго, достойномъ уваженія по ревности и нѣкоторымъ знаніямъ въ исторической критикѣ, невѣдомымъ его предшественникамъ»[35]. Митрополитъ Евгеній отдаетъ также честь Татищеву, какъ первому, начавшему разсматривать наши лѣтописи критически[36]. Не на всѣхъ подѣйствовалъ одинаково

32. Вѣстникъ Европ., 1810, № 20, стр. 286—287.
33. Тамъ же, стр. 302.
34. Тамъ же, стр. 290.
35. Вѣстн. Европ., 1813, LXXII, № 6, стр. 210.
36. Слов. свѣтск. писат., 126.

и бранный, безусловно отрицающій тонъ Шлецеровскаго сужденія и о лѣтописи Якимовской. Оставляя въ сторонѣ г. Сенковскаго, смотрѣвшаго на нее сквозь туманъ, поднятый скандинавскими сагами, а по тому самому останавливавшагося лишь на началѣ обломка лѣтописи и, только по согласію его съ этими сагами, назвавшаго этотъ обломокъ «драгоцѣннымъ, заключающимъ въ себѣ всѣ условія и признаки подлинности и глубокой древности, первымъ доселѣ извѣстнымъ письменнымъ памятникомъ Русской исторіи»[37], можно остановиться со вниманіемъ на сужденіи двоихъ ученыхъ, по преимуществу занимавшихся и занимающихся отечественною исторіею, на Бутковѣ и Ивановѣ. Тѣмъ важнѣе для насъ отзывы ихъ, что они принадлежатъ нашему времени, у котораго и взыскательный Шлецеръ не отнялъ бы заслуженной чести назваться, въ Русской наукѣ, по преимуществу историческимъ и притомъ историко-критическимъ. И тотъ и другой, вопреки большинству противниковъ лѣтописи Якимовской, ревностныхъ послѣдователей Шлецера, очевидно склоняются въ ея пользу и оба стараются освободить Татищева отъ тѣхъ нареканій, которымъ начало положено Геттингенскимъ ученымъ. Правда, положительнаго признанія достовѣрности нѣтъ; но изъ всего хода опроверженія противной стороны нельзя не замѣтить, что они ни въ какомъ случаѣ, какъ относительно другихъ вопросовъ, такъ и лѣтописи Якимовской, къ ней не примыкаютъ. Убѣдительно опровергнувши мнѣніе, будто Якимовская лѣпопись составлена самимъ Татищевымъ на основаніи нелѣпыхъ вымысловъ діакона Тимоѳея Рвовскаго[38], и сославшись на вѣру къ ней Болтина и Миллера, Академикъ Бутковъ старается пояснить и слова: «Веніаминъ только для закрытія вымышленъ», слова, давшія поводъ и Шлецеру и другимъ утверждать о собственномъ признаніи Татищева въ подлогѣ, и рѣшаетъ дѣло на основаніи словъ самаго издателя отрывка, высказанныхъ имъ въ предъизвѣщеніи къ Правдѣ Русской[39]. Г. Ивановъ не представилъ критическихъ замѣчаній

37. Библіотека для чтенія, 1834, I, отд. III, стр. 36, примѣч. 10; сравн. тамъ же стр. 75.

38. Обор. русск. лѣтоп., 487, примѣч.

39. Тамъ же, 224—225.

о лѣтописи Якимовской; да въ томъ трудѣ, гдѣ коснулся онъ мимоходомъ этого вопроса, не было и нужды къ тому; тѣмъ не менѣе мы не должны пройти молчаніемъ и его, хоть нерѣшительнаго, отзыва, какъ отзыва профессора исторіи Русской. Упомянувши о несправедливости потомства къ Татищеву, «пятнающаго напрасными поклепами память мужа, неутомимо подвизавшагося на пользу Русской исторіи»[40], г. Ивановъ «покорнѣйше проситъ г. Буткова устранить эти напраслины, особенно заняться критическимъ разсмотрѣніемъ нерѣшенной тяжбы по поводу Іоакимовской лѣтописи.» Этими словами профессоръ ясно высказалъ неубѣдительность возгласовъ, болѣе или менѣе грозныхъ и суровыхъ, появившихся въ литературѣ со времени Шлецера*). При взглядѣ на этотъ краткій обзоръ литературы о Татищевѣ и его отрывкѣ лѣтописи Якимовской, нельзя не признать, что говорили о томъ и другомъ многіе и говорили не мало; память объ ученомъ мужѣ временъ Петра Великаго, какъ видно, не умерла совершенно, какъ не во всѣхъ умерло и воспоминаніе о его заслугахъ исторіи отечественной. Но рѣшительный приговоръ Шлецера отнялъ у всякаго смѣлость пускаться въ разысканія критическія о предметѣ, жестоко заподозрѣнномъ великимъ ученымъ. Между тѣмъ подобными розысканіями только и можно бы было уничтожить пятно, тяготѣвшее на Татищевѣ, и представить въ настоящемъ свѣтѣ міру ученому загадочную лѣтопись Іоакима. У нихъ осталось непоколебимымъ только довѣріе къ добросовѣстности Татищева, и вотъ причина, почему въ ихъ сужденіяхъ не находимъ мы критическаго ученаго изслѣдованія, а встрѣчаемъ только мнѣнія, которыхъ не могли потрясти ни голосъ Шлецера, ни отголоски его послѣдователей. Въ этихъ мнѣніяхъ, большею частію голословныхъ, и состояла литература о Татищевѣ до послѣднихъ годовъ. Густой туманъ, произведенный авторитетомъ Шлецера, покрывавшій его самого и Татищева, мѣшалъ съ одной стороны

---

40. Учен. Зап. Казанск. Унив., 1843, кн. II и III.

*) Ученый нашъ сочленъ П. Г. Бутковъ, не прерывая своихъ разнообразныхъ изслѣдованій, не оставилъ и вопроса о Іоакимовской лѣтописи, и приготовляетъ записку о ней, очень подробную. *Ред.*

разубѣдиться въ невозможности ошибокъ перваго, съ другой — признать долю учености, способности къ критикѣ и полную добросовѣстность послѣдняго. Онъ замѣтно сталъ рѣдѣть съ 30-хъ годовъ, и этимъ разрѣженіемъ вызвалъ голоса къ подрыву непогрѣшимости Шлецера и въ пользу Татищева. Но время окончательнаго его разсѣянія наступило съ трудами Шафарика, преосв. Макарія и г. Соловьева. Скажу нѣсколько словъ и о нихъ по отношенію къ лѣтописи Іоакима. Характеръ отзыва всѣхъ троихъ совершенно противоположенъ видѣнному нами доселѣ. Прежде, какъ замѣтили мы, отзывы защитниковъ Татищева и его древнѣйшей лѣтописи ограничивались одними мнѣніями о личности издателя и довольно рѣшительными предположеніями о ея дѣйствительной возможности; критическаго оправданія предположеній не было вовсе; въ сочиненіяхъ Шафарика, Макарія и Соловьева, на оборотъ, дѣло касается однихъ фактовъ, изслѣдованныхъ и доказанныхъ положительно изъ другихъ источниковъ, и лѣтопись Якимовская приводится лишь тогда, когда уже положительною критикою оправданный фактъ находится и въ ней. Понятно, что такая защита Татищева, какъ ни тиха и молчалива она, несравненно рѣшительнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ громкіе и бездоказательные голоса прежнихъ защитниковъ. Здѣсь мѣсто уже не возгласамъ и предположеніямъ, а критическому труду и несомнѣнной дѣйствительности, извлеченной изъ разнообразной и часто разнородной массы древнѣйшихъ источниковъ. Такъ Шафарикъ, опредѣливши отношеніе Болгаръ къ Россіи, въ эпоху принятія послѣднею религіи Христіанской, и указавши на необходимость ея пользоваться Болгарскими книгами, оправдываетъ показанія лѣтописи Якимовской, что въ первое время духовные наши были большею частію изъ Болгаръ, и въ этомъ отношеніи считаетъ себя, и вполнѣ справедливо, въ правѣ признать ее достойною вѣроятія [41]. Гораздо болѣе событій оцѣнено преосвященнымъ Макаріемъ, въ его Исторіи Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра (Спб., 1846 г.).

---

41. Развѣтъ Слав. лит. въ Булгаріи, въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. при Московск. Университ., 1848 г., № 7, стр. 22.

Самый предметъ его классическаго сочиненія тѣснѣе сближалъ автора съ Якимовскимъ отрывкомъ, такъ какъ и въ немъ немало приводится свѣдѣній о первоначальномъ распространеніи христіанства и устройствѣ іерархіи, и, должно сознаться, что съ этой стороны нельзя встрѣтить ни одного факта, который бы не былъ утвержденъ его глубокими изслѣдованіями или окончательно, какъ несомнѣнный, или приблизительно, какъ болѣе соглаcующійся съ положительными извѣстіями, болѣе поясняющій только частые намеки въ послѣднихъ, чѣмъ противорѣчащій истинѣ. Я не считаю здѣсь необходимымъ приводить изъ труда Преосвященнаго всѣхъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ оцѣниваются и признаются извѣстія лѣтописи Якимовской; они большею частію войдутъ въ послѣдующій подробный разборъ этой лѣтописи; скажу только, что болѣе чѣмъ кто либо изъ всѣхъ предшественниковъ, занимавшихся этимъ вопросомъ и хоть что либо писавшихъ о немъ, преосвященный Макарій имѣлъ право, и право неотъемлемое въ глазахъ каждаго безпристрастнаго судьи, назвать *не совсѣмъ справедливымъ* мнѣніе тѣхъ, кто почитаетъ подложною лѣтопись Якимовскую[42]. Въ такомъ же смыслѣ явились замѣчанія о лѣтописи Якимовской г. Соловьева, хотя и съ другой стороны, со стороны событій политическихъ. Эти замѣчанія служатъ такимъ образомъ превосходнымъ пополненіемъ, относительно вопроса объ Якимовскомъ отрывкѣ, изслѣдованіямъ автора Исторіи Христіанства, и увеличиваютъ значительнымъ количествомъ массу фактовъ, возводящихъ этотъ отрывокъ на степень если не очевидной еще несомнѣнности составителя его, епископа Новгородскаго Іоакима, то, по крайней мѣрѣ, неопровержимой достовѣрности многихъ извѣстій, въ немъ заключающихся, и высокой цѣны ихъ для исторіи отечественной. Профессоръ Соловьевъ неоднократно[43], при критическихъ изслѣдованіяхъ своихъ, указываетъ

42. Арх. Макарія: Истор. Христіанства въ Росс. до К. Владим., стр. 42; сравн. тамъ же, 169—178, 254, 284, 323—324, 327—343, 373 и примѣч.

43. Сравн. т. I Истор. Россіи: примѣч. 187, стр. 127; примѣч. 216, стр. 141; примѣч. 247, стр. 162—163; примѣч. 25 стр. 164; примѣч. 260, 261, стр. 184.

на лѣтопись Якимовскую, какъ на содержащую тотъ или другой фактъ, то или другое извѣстіе, которое должно быть, по его соображеніямъ изъ другихъ матеріаловъ, достовѣрнѣйшимъ, и, подобно преосвященному Макарію, доходитъ до общаго заключенія, что Якимовская лѣтопись не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія начальной Кіевской лѣтописи [44].

Таковъ былъ ходъ вопроса о лѣтописи Якимовской и о тѣсно съ ней связанной личности Татищева. Въ первое время ея обнародованія, она не возбудила ни въ комъ сомнѣнія, еще менѣе невѣрія, потому что открывшій и обнародовавшій ее, Татищевъ, былъ близко знакомъ современникамъ; его добросовѣстность, правдивость и изумительное трудолюбіе были слишкомъ тогда извѣстны; сама наконецъ критика, начатая Татищевымъ же, была еще въ колыбели, слаба, непрочна, — и открытія Татищева нашли безпрепятственный доступъ въ науку. Является Шлецеръ, и его голосъ, какъ очень ученаго Нѣмца, легко заглушилъ слабый шопотъ ученыхъ туземцевъ: приговоры Шлецеровскіе сдѣлались для большей части послѣднихъ непререкаемыми. И многому надобно было пройти времени, многимъ пришлось ограничиться голыми отзывами прежде, чѣмъ критика историческая, самостоятельность въ изслѣдованіяхъ, достигли до той степени, когда безусловная вѣра въ авторитетъ и боязнь его перестали угнетать и пугать ученыхъ. Это время, какъ видѣли мы выше, почти только что наступило; только лишь недавно, независимо отъ прежнихъ сужденій и приговоровъ, обратились прямо къ самому источнику и изъ него, послѣ самыхъ тщательныхъ отдѣльныхъ изслѣдованій, стали выводить его значеніе. Этихъ отдѣльныхъ выводовъ есть уже довольно, чтобы взглянуть на памятникъ въ цѣломъ его составѣ и обозрѣть во всей подробности. Такое обозрѣніе я и намѣренъ предпринять, пользуясь съ одной стороны результатомъ собственныхъ своихъ занятій, съ другой — замѣчаніями постороннихъ ученыхъ. И такъ, прежде всего:

---

44. Тамъ же, I, 149—150.

ОБЪ ОТКРЫТІИ ЛѢТОПИСИ ЯКИМОВСКОЙ.

Лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Якимовской, досталась въ руки Татищева въ 1748 году, спустя восемнадцать лѣтъ послѣ окончанія имъ Россійской Исторіи. Желаніе представить, сколь возможно, полную и ясную исторію побудило Татищева отыскивать всюду полнѣйшихъ списковъ, и съ этою цѣлію обратился онъ и къ своему близкому родственнику, архимандриту Бизюкова монастыря, Мелхиседеку Борсчову, бывшему прежде игуменомъ во многихъ монастыряхъ и, слѣдовательно, по своему положенію, могшему удовлетворить желанію Татищева, если не доставленіемъ самыхъ списковъ, по крайней мѣрѣ указаніемъ на мѣста, гдѣ можно было искать и отыскивать ихъ. Просьба Татищева была выражена въ письмѣ, отправленномъ къ Мелхиседеку. Письменно отвѣчалъ ему и послѣдній. Въ этомъ отвѣтѣ утверждалъ Мелхиседекъ, что есть множество старыхъ книгъ въ Успенскомъ Старицкомъ и Отрочевскомъ Тверскомъ монастыряхъ, хотя, по отсутствію имъ описей, онъ и отказывается опредѣлить, какія именно находятся тамъ книги; затѣмъ указываетъ на проживавшаго во ввѣренномъ его вѣдомству монастырѣ монаха Веніамина, который трудится надъ собраніемъ Русской исторіи, ѣздитъ для этого по домамъ и монастырямъ и успѣлъ запастись многими книгами Русскими и Польскими. Просьбѣ Мелхиседека, — отправить хоть одну изъ старинныхъ Русскихъ книгъ къ Татищеву, — Веніаминъ отказалъ, не смотря на залогъ, обѣщанный первымъ; не исполнилъ и своего обѣщанія ѣхать лично къ Татищеву, ссылаясь на старость и болѣзни (вопреки Карамзину, который утверждалъ, что будто въ дорогѣ и умеръ Веніаминъ[45]), и прислалъ къ Мелхиседеку только три тетради, которыя этотъ и препроводилъ съ письмомъ къ Татищеву, прося притомъ послѣдняго, неумедля возвратить ихъ ему, чтобы передать снова Веніамину. Эти-то три тетради, составлявшія только часть полнаго сборника, сколько

---

45. Истор. Госуд. Росс., I, XXVIII.

можно судить по отмѣткамъ: 4, 5, 6, и заключали отрывокъ лѣтописи, явившейся въ Исторіи Татищева подъ названіемъ Якимовской[46]. Списавши полученныя тетради, Татищевъ, ни мало не медля, послалъ ихъ обратно, съ новою просьбою: если нельзя доставить ему всей книги, то хотя тѣ же три тетради и нѣсколько слѣдующихъ за ними. Но, вмѣсто отвѣта, получилъ извѣстіе, что Мелхиседекъ умеръ и его имущество растащено. Знакомые Татищева, по его желанію: узнать о монахѣ Веніаминѣ у бывшихъ служителей Мелхиседека, отвѣчали ему, что въ монастырѣ есть казначей Веніаминъ, но что онъ никогда не былъ владѣтелемъ лѣтописи, находившейся постоянно у Мелхиседека, который иногда говорилъ, по словамъ Веніамина, что писалъ ее въ Сибири, иногда же, что она чужая, и вообще скрывалъ ее[47]. Въ остаткахъ имущества архимандритова ея не оказалось. Эта наивность разсказа Татищева, таинственность какая-то въ открытіи и доставленіи ему трехъ тетрадей, наконецъ совершенная потеря ихъ со смертію Мелхиседека, были достаточною причиною для критическаго и отчасти скептическаго ума Шлецера сказать, что лѣтопись Якимовская явилась самымъ подозрительнымъ образомъ; слова же самого Татищева, высказанныя въ примѣчаніи, по случаю ссылки Мелхиседека на Веніамина: «монахъ Веніаминъ только для закрытія вымышленъ»[48], побудили другихъ укорять въ вымыслѣ даже и самого Татищева. Между тѣмъ эта-то простота, подробность и безъискусственность разсказа Татищева, скорѣе бы должны были отклонить всякое подозрѣніе въ злоумышленности добросовѣстнаго издателя, такъ точно, какъ въ отвѣтѣ Мелхиседека къ Татищеву нельзя не замѣтить, самымъ яснымъ образомъ, что ссылка на Веніамина была лишь слѣдствіемъ опасенія не потерять совершенно тетрадей, которыя Татищевъ могъ задержать, въ противномъ случаѣ, какъ принадлежавшія его близкому родственнику; тѣмъ менѣе могъ Мелхиседекъ спокойно разстаться съ полнымъ своимъ сборникомъ, а отказать, по тому же род-

46. Татищ. Истор. Росс., I, гл. 4, стр. 30 — 31.

47. Тамъ же, I, 41.

48. Тамъ же, стр. 42, прим. 1.

ству, было слишкомъ трудно; трудно было и придумать болѣе основательную причину отдѣлаться отъ докучливости Татищева, какъ убѣдивши послѣдняго, что рукопись чужая, — отсюда и Веніаминъ, владѣтель старыхъ книгъ Русскихъ и Польскихъ, который требуетъ отъ Мелхиседека, чтобы скорѣе были возвращены отправленныя ему три тетради, отсюда же и приведенное выше выраженіе Татищева[49]. Все это такъ естественно, такъ согласно съ тогдашнею застѣнчивостію монаховъ, любовью скрывать собственные свои труды, что нѣтъ и повода думать о подлогѣ или злоумышленномъ обманѣ, особенно со стороны самого Татищева, который на столько былъ уменъ и проницателенъ, что, сознавая свой грѣхъ, не рѣшился бы обнародовать описанія, которое могло уличать его въ глазахъ каждаго читателя или заставить считать его затѣйливымъ шутникомъ, вздумавшимъ подшутить надъ современниками и потомствомъ обнародованіемъ памятника, котораго никогда не было и который обязанъ своимъ существованіемъ одной головѣ Татищева. Обратимся къ разбору.

Полученный отъ Мелхиседека отрывокъ лѣтописи Татищевъ не внесъ въ общій сводъ лѣтописи Несторовой, а посвятилъ ему особую четвертую главу, въ 22 страницы (29—51), подъ заглавіемъ: О исторіи Іоакима Новгородскаго епископа, и снабдилъ его 48-ю примѣчаніями. Основаніе, по которому Татищевъ далъ названіе отрывку: Лѣтопись Іоакимовская, взялъ онъ изъ первыхъ строкъ присланнаго ему списка. « О князѣхъ Руских старобытныхъ Несторъ монахъ не добрѣ свѣдомъ бѣ, что ся дѣяло у насъ Славянъ въ Новѣградѣ, а святитель Іоакимъ добрѣ свѣдомый написа[50]. Причина же, по которой авторъ Россійской Исторіи почелъ себя не въ правѣ внести этотъ отрывокъ въ сводъ лѣтописи Нестора, высказана самимъ имъ: «я намѣренъ былъ все сіе», говоритъ Татищевъ, по окончаніи текста отрывка, «въ Несторову дополнить, но разсудя, что мнѣ ни на какой манускриптъ извѣстной сослаться нельзя....

---

49. Сравн. Обор. Русск. лѣт., стр. 225.

50. Татищ., I, 29.

сего не сложилъ»[51]. Вотъ новое свидѣтельство осторожности и критическаго взгляда на дѣло въ Татищевѣ; оно одно съ успѣхомъ можетъ опровергнуть взводимый на него упрекъ въ недобросовѣстности[52]. Встрѣчая же въ полученномъ отрывкѣ много новаго, часто невѣроятнаго, и не находя всюду подтвержденія помѣщенныхъ тамъ событій извѣстіями изъ другихъ достовѣрныхъ, и не для него одного, лѣтописей, онъ считалъ необходимымъ, и при довѣріи своемъ къ большинству этихъ событій, помѣстить отрывокъ отдѣльно, какъ требующій еще строгой критической оцѣнки, начало которой положилъ онъ самъ. Отдѣляя же такимъ образомъ Якимовскую лѣтопись, какъ новый историческій матеріалъ, только что появившійся въ рукахъ ученыхъ, слѣдовательно достовѣрность котораго и не могла еще быть опредѣлена, отъ источниковъ Россійской исторіи, несомнѣнныхъ въ глазахъ современниковъ Татищева, которые по тому самому единственно и послужили основой его труда, какую же цѣль могъ имѣть первый Русскій историкъ для обмана или подлога? Не ужели ту, чтобы лѣтъ черезъ пятьдесятъ его назвали лгуномъ, обманщикомъ, выдумщикомъ пустыхъ, глупыхъ бредней, неучемъ, невѣждой?

При поверхностномъ взглядѣ на отрывокъ лѣтописи Якимовской, для каждаго, прочитавшаго ее во всей полнотѣ, не можетъ онъ не представиться въ двухъ, рѣзко одна отъ другой отличающихся, половинахъ. Первая половина, обнимающая собою событія до образованія государства Русскаго, до призванія Варяго-Русса Рюрика, наполнена извѣстіями, почти рѣшительно неподтверждающимися другими источниками, извѣстіями, носящими на себѣ очевиднѣйшіе слѣды вымысла средне-вѣковой фантазіи о происхожденіи народовъ и ихъ разселеніи, и есть

51. Тамъ же, стр. 41.

52. Татищевъ ссылался, значитъ, только на то, что было равно извѣстно и другимъ и гдѣ, слѣдовательно, не могло быть обмана. Въ противномъ случаѣ, что удержало бы его сказать, ежели бы только рѣшился онъ на подлогъ, что извѣстія, помѣщенныя въ лѣтописи Якимовской, находятся и въ другихъ древнѣйшихъ спискахъ, напр. въ Раскольничьемъ, Голицынскомъ и т. д. Онъ могъ даже и не упоминать о таинственно найденномъ отрывкѣ, а только при внесенныхъ изъ нея фактахъ въ Исторію ссылаться на другіе списки.

несомнѣнный плодъ вліянія Польскихъ лѣтописцевъ. Вторая, хотя и содержащая въ себѣ факты, не всегда включенные въ достовѣрную лѣтопись Несторову, не противорѣчитъ ни мало общему ходу событій въ первое время государства Русскаго, предлагая притомъ немало извѣстій, хотя также не находящихся въ послѣдней, но оправдываемыхъ другими историческими источниками, достовѣрность которыхъ отвергнуть такъ же трудно, какъ и лѣтопись самого Нестора.

РАЗБОРЪ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ ЛѢТОПИСИ ЯКИМОВСКОЙ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе лѣтописи Якимовской [53]. Послѣ словъ, нами уже приведенныхъ, гдѣ говорится о Іоакимѣ, какъ составителѣ перваго отрывка, идетъ разсказъ о происхожденіи Славянъ, впрочемъ въ самыхъ краткихъ словахъ: «по отдѣленіи сыновей и внуковъ Афетовыхъ другъ отъ друга, одинъ князь, по имени Словенъ, съ братомъ своимъ Скиѳомъ, послѣ многихъ войнъ на востокѣ, направились къ западу и овладѣли землями по Черному морю и Дунаю. Народъ, происшедшій отъ перваго, назвался Славянами и былъ извѣстенъ у Грековъ подъ именемъ Алазонъ или Амазонъ. Оставивши во Ѳракіи и Иллиріи сына Бастарна, Словенъ отправился на сѣверъ и тамъ построилъ городъ, названный Славянскомъ; Скиѳъ же остался въ пустыняхъ Азовскаго и Чернаго морей, въ Великой Скиѳіи. По смерти Словена, въ теченіе многихъ столѣтій, управляли народомъ его сыновья и внуки; между ними прославился особенно князь Вандалъ, ходившій на сѣверъ, востокъ и западъ, и покорившій своей власти многіе народы, земли и моря. Когда же отправленные имъ на западъ подвластные князья и родственники, Гардарикъ и Гунигаръ, съ войсками Славянскими, Русскими и Чудскими, по завоеваніи но-

53. Татищ., Ист. Росс., I, 31—34.

выхъ земель, не возвратились назадъ; то разгнѣванный Вандалъ побѣдилъ ихъ, отнялъ отъ нихъ земли, отъ моря до моря, и раздѣлилъ между своими сыновьями: Изборомъ, Столпосвятомъ и Владиміромъ. Каждому изъ трехъ сыновей построено было по одному городу, названному по имени того, для кого назначался онъ. Послѣ этого, Вандалъ долго еще жилъ въ Великомъ-градѣ и умеръ въ глубокой старости, передавши власть свою старшему сыну, Избору. Затѣмъ умерли Изборъ и Столпосвятъ, и остался правителемъ Владиміръ, женившійся на прекрасной и мудрой Адвиндѣ изъ Варягъ, *о ней же многое отъ старыхъ повѣствуется и въ пѣсняхъ восклицаютъ.* Послѣ Владиміра, княжили его сыновья и внуки до Буривоя, который былъ девятымъ по Владимірѣ; имена осми предшественниковъ Буривоя, равно и дѣла ихъ, не извѣстны, *развѣ въ пѣсняхъ древнихъ воспоминаютъ.* Этотъ Буривой велъ тяжкія войны съ Варягами, неоднократно ихъ побѣждалъ, овладѣлъ всею Біарміею до рѣки Кумени; наконецъ, при этой рѣкѣ, былъ побѣжденъ самъ и, едва спасшись отъ погибели, заключился въ укрѣпленномъ городѣ, построенномъ на ея островѣ, гдѣ находились и подвластные ему князья. Между тѣмъ, Варяги покорили Великій-городъ и возложили тяжкую дань на Славянъ, Русь и Чудь. Претерпѣвшій отъ нихъ насилія народъ чрезъ пословъ просилъ у Буривоя въ князья Великому городу сына Гостомысла. Послѣдній, утвержденный въ княжеской власти отцемъ, немедленно возсталъ противъ Варяговъ, однихъ избилъ, другихъ выгналъ, отказался платить имъ дань и, одержавши надъ ними побѣду, построилъ при морѣ городъ Выборъ, названный по имени старшаго его сына. Гостомыслъ сколько былъ храбръ, столько же и мудръ; будучи грознымъ для своихъ сосѣдей, онъ былъ любимъ своими подданными за правосудіе. Поэтому всѣ окрестные народы уважали его, посылая подарки и дань; къ нему пріѣзжали изъ отдаленныхъ странъ, какъ моремъ, такъ и сушею, даже многіе князья, чтобы быть свидѣтелями его мудрости и правосудія и принять отъ него совѣты и наставленія. Изъ четырехъ сыновей Гостомысла не осталось ни одного въ живыхъ; три же дочери были отданы замужъ за иноземныхъ князей. Это опечалило какъ престарѣлаго Гостомысла, такъ и под-

данныхъ его. Онъ рѣшается спросить о наслѣдникѣ у боговъ, и отправляется въ Колмоардъ, приноситъ многія жертвы и одаряетъ *вѣщуновъ*. Послѣдніе увѣряютъ Гостомысла, что боги обѣщаютъ дать ему наслѣдника отъ его крови; но Гостомыслъ не вѣритъ этому отвѣту, такъ какъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ; поэтому снова посылаетъ къ *вѣщунамъ* въ Зимиголу, — отвѣтъ былъ тотъ же, но Гостомыслъ не повѣрилъ и ему и оставался печальнымъ. Однажды во снѣ видитъ онъ, что изъ чрева средней его дочери, Умилы, выросло большое дерево, покрывшее собою весь Великій-городъ, и что плодами этого дерева питались люди всей его земли. Призванные для растолкованія этого сна *вѣщуны* отвѣчали, что послѣ него долженъ наслѣдовать ему во власти одинъ изъ сыновей второй его дочери. Гостомыслъ, видя приближеніе своей смерти, созвалъ старѣйшихъ отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичей и Дреговичей, открылъ имъ свое сновидѣніе и отправилъ знатнѣйшихъ въ Варяги просить князя, — и пришелъ, по смерти Гостомысла, Рюрикъ съ двумя братьями и съ ихъ родомъ.» Такова первая половина отрывка лѣтописи Якимовской.

Оставляя пока въ сторонѣ имена собственныя лицъ, городовъ и народовъ, и вникая только въ передвиженіе и состояніе Славянъ въ эпоху до Рюрика, мы замѣчаемъ, что, по словамъ отрывка Якимовскаго, Славяне вышли съ востока, происходятъ отъ племени Афета, поселились въ Европѣ при берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, заняли теченіе Дуная, распространившись по Ѳракіи и Иллиріи. Отсюда часть ихъ отправилась на сѣверъ, утвердилась тамъ, устроивши нѣсколько городовъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ губерній Новгородской, Псковской и сосѣднихъ; посредствомъ войнъ, двигалась на сѣверъ, западъ и востокъ; терпѣла отъ насилія Варяговъ, наконецъ изгнала ихъ и образовала, во времена Рюрика, союзъ изъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичей и Дреговичей. Съ самыхъ первыхъ временъ появленія Славянъ на Дунаѣ и на сѣверѣ, представляются они съ властью княжескою, раздѣленною между нѣсколькими лицами, подчиненными одному высшему, великому князю. Послѣднимъ изъ такихъ князей предъ Рюрикомъ былъ Гостомыслъ, славный и въ дѣлахъ внѣшней политики, и во внутреннемъ управленіи. Во

всемъ этомъ очеркѣ нѣтъ ничего противнаго ни Нестору, ни новѣйшимъ изслѣдованіямъ о древнѣйшемъ мѣстѣ жительства и образѣ жизни Славянъ. По сказанію перваго, точно такъ же Славяне вышли съ востока и принадлежатъ къ великому племени Афетову: «отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словенскъ отъ племени Афетова, Норцы, еже суть Словене»[54]. Несторъ, правда, не говоритъ о томъ такъ же опредѣленно, какъ отрывокъ лѣтописи Якимовской, чтобы Славяне, прибывши съ востока, жили прежде у Азовскаго и Чернаго морей; но, съ одной стороны, онъ помѣщаетъ ихъ по Дунаю тамъ, гдѣ въ его время была земля Угорская и Болгарская, только по мнозѣхъ временѣхъ[55], слѣдственно, идя по направленію къ западу, Славяне не могли не оставаться и при берегахъ поименованныхъ морей, къ тому же, съ другой стороны, говоря о Дулѣбахъ, Велынянахъ, Уличахъ и Тиверцахъ, онъ самъ продолжаетъ, что они «сѣдяху по Бугу и Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь»[56]; ясно, что по Нестору въ незапамятныя уже времена владѣнія Славянъ были при Черномъ морѣ. То же говоритъ и Іорнандъ, у котораго, вмѣсто частныхъ Несторовыхъ названій, упоминаются живущими въ этихъ же самыхъ мѣстахъ, въ Скиѳіи Грековъ, въ четвертомъ еще столѣтіи, Анты, съ названіемъ болѣе общимъ: Antes, qui sunt eorum (Winidarum) fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum»[57]). Относительно Азовскаго моря, при которомъ также до прибытія Рюрика, по словамъ Якимовскаго отрывка, жили Словене, преподобный Несторъ не даетъ прямыхъ указаній, хотя изъ разсказовъ его о постепенныхъ расширеніяхъ государства при первыхъ нашихъ князьяхъ на юго-востокѣ и изъ существованія отдѣльнаго княжества Тмутораканскаго можно также съ вѣроятностію заключить о населеніи тамъ Славян

54. Лаврент. сп. по изд. арх. ком., стр. 3.
55. Тамъ же.
56. Тамъ же, стр. 5.
57. De Getar. orig. et reb. gestis, cap. 5.

скомъ; за то положительныя свидѣтельства на то находимъ у Багрянороднаго. Въ 9-й главѣ своего сочиненія объ управленіи имперіи, разсказывая о сборѣ дани князьями Русскими, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ числѣ народовъ, платящихъ дань, онъ помѣщаетъ и Сербовъ[58]. Гдѣ жили эти Сербы Багрянороднаго, о которыхъ нѣтъ и помину въ лѣтописи Нестора, равно и въ другихъ источникахъ древнѣйшей отечественной исторіи? Плиній Младшій (Natur. Histor. Lipsiae, 1831, ed. S. Sillig) въ 6-й книгѣ, въ 7-й главѣ, въ § 19-мъ помѣщаетъ Сербовъ близъ Азовскаго моря; тамъ же упоминаетъ о нихъ и географъ Птоломей[59], въ своей Азіатской Сарматіи,— и нѣтъ ничего предосудительнаго считать Сербовъ Багрянороднаго, слѣдовательно X вѣка, за Сербовъ Плиніевыхъ и Птоломеевыхъ и дать имъ мѣсто жительства также при морѣ Азовскомъ. Что касается до жительства Славянъ по Дунаю на отдаленномъ западѣ, въ Иллиріи; то объ этомъ весьма отчетливо говоритъ первый нашъ несомнѣнный лѣтописецъ Несторъ. Выше привели мы его слова, въ которыхъ называетъ онъ Славянъ Норцами. Какъ ни разнообразны варіанты этого слова: Норцы, нарицаемѣ, иновѣрцы[60], но стоитъ только сравнить это мѣсто съ объясненіемъ «Иллюрика», въ общемъ обозрѣніи географическомъ, взятомъ изъ Амартола, при чемъ въ переводѣ прибавлено Несторомъ Словене, чего нѣтъ въ подлинникѣ[61], чтобы не сомнѣваться въ дѣйствительномъ и единственно правильномъ чтеніи — Норцы, т. е. жители Норика, населявшіе Иллирикъ, въ обширномъ его значеніи. Что въ Иллиріи съ незапамятныхъ временъ обитали Славяне по извѣстію Нестора, видно ясно изъ его разсказа о распространеніи Христіанства между Славянами западно-Дунайскими св. апостолами: «Тѣмже Словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ: въ Моравы бо ходилъ, и апостолъ Павелъ училъ ту: ту бо есть Илюрикъ, его-же доходилъ апостолъ Павелъ, *ту бо бяша Словѣне первѣе*»[62]. Дунай, какъ прародина

58. De administr. imp., cap. IX.
59. Книг. 5, гл. 9.
60. Лавр., стр. 3, въ примѣч.
61. Тамъ же, стр. 2; сравн. первое прилож., стр. 240.
62. Тамъ же.

Славянъ въ Европѣ, остался донынѣ въ преданіяхъ почти у всѣхъ народовъ Славянскихъ[63]. Переходъ Славянъ съ юга, отъ Дуная, и разселеніе ихъ на сѣверѣ, засвидѣтельствованы также Несторомъ, и притомъ съ большею подробностію, чѣмъ въ отрывкѣ. У перваго говорится и о причинѣ выселенія съ юга: нападеніе Волоховъ на Дунайскихъ Славянъ и насилія отъ нихъ послѣднимъ[64]. Существованіе городовъ до прихода Рюрика не подлежитъ тоже никакому сомнѣнію и по Несторовой лѣтописи: Новгородъ, Изборскъ, Бѣлоозерскъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь, Кіевъ, рисуются въ ней какъ города отчасти уже и торговые, особенно первый и послѣдній. Самые слѣды торговли съ народами восточными, отправлявшейся задолго еще до призванія Варяго-Руссовъ[65], даютъ полное право предполагать, и безъ положительныхъ даже на то указаній, о необходимости жизни городской. Образованіе союза на сѣверѣ изъ Славянъ, Чуди и Кривичей, обще въ отрывкѣ съ Несторомъ. Въ первомъ прибавлены только Весь и Дряговичи, двѣ народности, входившія въ общій союзъ, подверженный нападеніямъ Варяговъ, и неупомянутыя Несторомъ. Но и у Нестора сказано въ числѣ терпѣвшихъ насилія отъ Варягъ о Мери, хотя она и пропущена имъ при призваніи Рюрика[66]; что же до Веси, то едва ли ее не должно понимать подъ словомъ *всѣхъ*, при народѣ Кривичи: *и на всѣхъ Кривичѣхъ*. Такое употребленіе не обыкновенно, да и лишне. Изъ всѣхъ народовъ, приведенныхъ Несторомъ и платившихъ дань Варягамъ и Казарамъ, только при Кривичахъ находится прибавленіе *всѣхъ*, между тѣмъ какъ къ нимъ-то едва ли не менѣе всѣхъ можетъ относиться оно: Кривичи жили дальше отъ Варяговъ, чѣмъ Новгородцы-Словѣне, и слѣдовательно послѣдніе скорѣе могли безъ исключенія всѣ подлежать обязанности платежа дани, и однако при имени Словѣне нѣтъ помину о *всѣхъ*: очевидно, что

63. Сравн. Шевырева Истор. Русск. словесн., лекція вторая, стр. 72—73.

64. Лаврент. сп., стр. 3.

65. О торговлѣ городовъ Славянъ Русск. въ древнѣйшее время см. замѣчанія Шафарика, Славянст. Древности, въ переводѣ Бодянск., т. II, кн. I, стр. 99—100.

66. Сравн. Лаврент. сп., годы: 6367 и 6370.

здѣсь должно читать: *и на Веси*[67]. Эта очевидность становится несомнѣнною, когда мы сравнимъ слова самого же Нестора, въ которыхъ Весь, вмѣстѣ съ Муромой и Мерею, изображаются въ подданствѣ Рюрика, по смерти его братьевъ, хотя ни слова о завоеваніяхъ[68]. Дряговичи жили по Припяти и были ближайшими сосѣдями Кривичей, могли даже составлять часть одного цѣлаго, за которое и приняты Несторомъ, а отдѣлены въ отрывкѣ*). Кромѣ того, и по отрывку не видно, чтобы отъ всѣхъ пяти народовъ отправлены были послы за море: Гостомыслъ, какъ говорится въ немъ, выбралъ изъ старѣйшихъ только почетнѣйшихъ, точно такъ, какъ и у Нестора изъ пяти народовъ, повиновавшихся безусловно Рюрику, съ первыхъ годовъ его правленія, только три изображаются дѣятельными при отправленіи посольства за море.

Устройство внутреннее Славянъ, изображаемое отрывкомъ, съ княжескою властію до Рюрика, находитъ самое сильное подтвержденіе и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, и въ сказаніи Нестора. Фактъ существованія князей у Руссихъ Славянъ въ древнѣйшую пору возможенъ по сравненію ихъ съ народами соплеменными. Всѣ Славяне, при вступленіи своемъ въ исторію, представляются съ княжескою властію, раздѣленною притомъ между нѣсколькими лицами. Чехи, по свидѣтельству Козьмы Пражскаго, приводятся въ Богемію уже княземъ, Чехомъ; правда, лице это миѳическое, но оно указываетъ ясно на древность этой власти въ понятіяхъ народа и на силу этихъ понятій: онъ не помнитъ, когда бы жилъ безъ князя, значитъ, идея о князьяхъ уже въ XII столѣтіи была глубоко внѣдрена въ память народную, — а для этого необходимо не два или три столѣтія. Въ періодъ чисто историческій, на ряду съ князьями Пражскими, упоминаются у того же писателя другіе князья, которые вели войну съ первыми. Такъ, въ VIII — IX столѣт., Пражскій князь Неклань ведетъ упорную войну съ княземъ

---

67. Славянск. Древн., т. II, кн. I. стр. 109 и примѣч. 41.

68. Лаврент., стр. 9.

69. Возможность участія Драговичей въ призваніи Рюрика объясняется послѣдующими событіями. См. объ этомъ Ист. Рос. Соловьева, I, примѣч. 180.

Лучанскимъ, Властиславомъ, и покоряетъ себѣ его область[69]. Славяне Прибалтiйскiе, тоже такимъ образомъ, дѣйствуютъ противъ Франковъ, имѣя у себя отдѣльныхъ князей въ VII и VIII вѣкахъ[70]. Въ Польшѣ, даже по нашимъ лѣтописямъ, были отдѣльные князья въ XI еще столѣтiи: такъ, нашъ Ярославъ, предпринявши въ третiй разъ походъ противъ Мазовшанъ, въ 1047 году, побѣди *я́*, и *князя ихъ уби Мечислава*, и покори я́ Казимiру[71]. У Славянъ Сербскихъ и у Хорутанскихъ власть княжеская дѣйствовала съ незапамятныхъ поръ и тоже раздѣлялась между нѣсколькими лицами, хотя одно и пользовалось первенствомъ: Сербы описываются съ княжескими родами при первомъ даже поселенiи ихъ въ занимаемыя ими теперь земли; что случилось во время императора Византiйскаго Ираклiя, въ первой половинѣ VII столѣтiя[72]. Могло быть то же и въ нашемъ отечествѣ. А что дѣйствительно были князья у Славянъ Русскихъ, независимо отъ отрывка Якимовскаго, свидѣтельствуютъ о томъ писатели Византiйскiе и самъ преподобный Несторъ. Не приводя Өеофана[73], разсказывающаго подъ 765 годомъ о помощи Болгарскому князю Телерику, *независимыми князьями Русскими*, не приводя потому, что вопросъ о Русскихъ князьяхъ до 862 года представляетъ доселѣ споръ нерѣшенный, я останавливаюсь на Константинѣ Багрянородномъ. Говоря[74] о прибытiи Ольги въ Царьградъ, онъ утверждаетъ, что вмѣстѣ съ нею явились и двадцать пословъ отъ двадцати князей Русскихъ, — ясно, что кромѣ великихъ князей или княгинь существовали еще и *князья* подъ зависимостью первыхъ, управлявшiе, быть можетъ, отдѣльными народцами, не успѣвшими еще войдти въ одно цѣлое подъ непосредственную и единственную власть князя Кiевскаго. Что это такъ, убѣждаетъ въ томъ и отчетливая лѣтопись нашего Нестора. Во внесенномъ въ нее договорѣ Олега съ Греками, въ 907 году, исчисляются такимъ

---

69. Scriptores rerum Bohem., 1783, I, 24—30.
70. Славянск. Древн., т. II, кн. III, стр. 17, 21.
71. Лаврент. лѣт. стр. 67.
72. Constant. porphyr. de admin. imp., cap. XXX.
73. Corp. script. hist. Byz., 1839, Bon., vol. I, p. 691.
74. De cerimon. aul. Byzant., 595.

образомъ города, которымъ должны давать уклады Греки[75]: «первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочія городы: *по тъмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще»*, прибавляетъ, конечно, самъ Несторъ[76]. Нельзя не вспомнить, при этомъ случаѣ, и о князѣ Древлянскомъ Малѣ, женихѣ великой княгини Ольги. Хотя знаменитый Шлецеръ[77] и сказалъ, что «этотъ бранный народъ единственный, у котораго былъ князь»; но изъ вышесказаннаго видно, что, въ этомъ отношеніи, Древляне держались только обще-Славянскаго обыкновенія и вовсе не составляли исключенія. Въ своемъ мѣстѣ приведемъ мы еще свидѣтельство, въ справедливости котораго пока сомнѣваться трудно, что до Рюрика дѣйствительно упоминается князь и въ Новгородѣ.

Результатомъ всего этого бѣглаго обзора выходитъ, что въ общемъ своемъ составѣ первая половина отрывка Якимовскаго не только не противорѣчитъ прямымъ и положительнымъ извѣстіямъ о состояніи Славянъ вообще и Русскихъ, въ до-Варяжскую эпоху, въ частности, какъ писателямъ иноземнымъ, такъ и самому Нестору; напротивъ, что онъ сводитъ въ связь и цѣлость тѣ предметы и свѣдѣнія, которые у послѣдняго разбросаны и приведены мимоходомъ.

Остаются имена собственныя лицъ съ ихъ родословіями, которыя болѣе всего и ставятъ отрывокъ въ число подозрительнѣйшихъ, баснословныхъ, слѣдовательно выдумокъ. Нѣкоторыя

---

75. Лаврент., стр. 13.

76. Шлецеръ (Нестор. т. II, 704), силившійся отвергнуть бытіе князей до Рюрика, такъ отзывается объ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ: «не надобно воображать, чтобы и *тогда* уже особенными областями новыя Русскія державы владѣли князья или даже великіе князья, хотя подъ рукою, т. е. подъ верховнымъ начальствомъ главнаго великаго князя *Олега*.» Онъ вообразилъ, что здѣсь дѣло идетъ объ удѣльной системѣ, и испугался, что, въ такомъ случаѣ, она появилась независимо отъ Скандинавскаго сѣвера. Но и *тогда*, и прежде, съ незапамятныхъ поръ, управлялись Славяне князьями, безъ всякаго отношенія къ системѣ удѣловъ, возникшей въ Россіи въ X столѣтіи. Ни Малъ, ни другіе князья не владѣли княжескою властію по родству съ великимъ княземъ, а потому, что и Древляне, и другія поколѣнія имѣли свои роды.

77. Нест. Шлец. II, 276.

изъ этихъ именъ общи съ названіями народовъ и городовъ, другія принадлежатъ исключительно лицамъ и носятъ на себѣ характеръ именъ чисто-Славянскихъ. Къ первымъ относятся: Славенъ и Скиѳъ, Бастарнъ, Вандалъ, Гардорикъ, Гунигаръ, Колмогардъ, Изборъ; къ послѣднимъ: Владиміръ, Столпосвятъ, Буривой, Гостомыслъ.

Олицетвореніе народовъ въ именахъ лицъ принадлежитъ всѣмъ народамъ и началось съ самыхъ давнихъ временъ. Самые древнѣйшіе лѣтописцы, при всей любви къ правдѣ и желаніи оторваться отъ эпохи темной, баснословной, не всегда свободны отъ подобныхъ олицетвореній. Имѣя въ виду лѣтописцевъ Славянскихъ, я указываю прежде всего на Нестора, какъ на писателя по преимуществу старавшагося держаться въ своемъ изложеніи событій несомнѣнныхъ по своей дѣйствительности и описавшаго время, которое могъ знать по достовѣрнымъ источникамъ письменнымъ или по разсказамъ очевидцевъ. Но и самъ Несторъ, при всемъ благомъ для ученаго потомства направленіи, не въ силахъ былъ отвлечься отъ такихъ олицетвореній. Вспомнимъ двухъ братьевъ Радима и Вятко, отъ которыхъ произошли Радимичи и Вятичи; не забудемъ и *перевозника*, или князя *Кія*, положившаго начало городу Кіеву. Лѣтопись Чешская, современная почти Несторовой, составленная пресвитеромъ Козьмою, начинаетъ свое повѣствованіе съ первыхъ строкъ такимъ же олицетвореніемъ: приведенный въ новую землю народъ княземъ, Чехомъ, на вопросъ послѣдняго: какъ назвать эту землю? единодушно восклицаетъ: quia tu, o pater, diceris Bohemus, dicatur et terra Bohemia[78]. Здѣсь ученое олицетвореніе очевидно: сами Чехи никогда не называютъ своего отечества Богеміей, какъ никогда въ народныхъ повѣрьяхъ, явившихся въ хроникахъ, составленныхъ на Чешскомъ языкѣ, нѣтъ имени Богемъ; лѣтописецъ Пражскій примѣнялъ здѣсь лѣтописный языкъ къ своей исторіи, а на языкѣ Латинскомъ, равно и въ устахъ чужеземцевъ, Чехія всегда слыла, какъ слыветъ и по сію пору, Богеміей. Что это не предположеніе, что Козьма дѣйствительно разумѣлъ подъ своей Bohemia — Чехію,

---

78. Script. rer. bohem., I, 7.

а подъ Bohemus — Чеха, доказываетъ хроника лѣтописца XIV вѣка, писанная по-Чешски: Далимилъ выводитъ Чеховъ уже подъ водительствомъ Чеха изъ земли Хорватской въ землю Маркоманновъ, и послѣдней придается названіе Чехія, потому что у предводителя было имя Чехъ: že jich starostě Čech děchu, — proň té zemi Čechy wzděchu [79]. Въ такомъ общемъ олицетвореніи своего народа едва ли можно обвинять лѣтописцевъ. Всего вѣроятнѣе, и есть на то доказательства, что оно родилось въ самомъ народѣ, и уже какъ повѣрье народное вошло въ ихъ сказанія. До сихъ поръ около Загреба, въ Крапинской долинѣ, окруженной горами, у Хорватовъ, въ простомъ народѣ, живетъ устное преданіе о томъ, какъ Чехъ, Ляхъ и Русъ оставили старшаго брата своего Хорвата, пошли на сѣверъ, и какъ Русъ зашелъ всѣхъ далѣе и перешагнулъ за Уралъ, въ самую Азію. Лужицкіе Сербы сохранили до сихъ поръ то же самое преданіе — и, въ 1697 году, Михаилъ Френцель привѣтствовалъ имъ Петра Великаго [80]. Въ самомъ повѣствованіи Нестора о Кіѣ отразилась народная молва, съ которою несомнѣнно и согласовался лѣтописецъ. Но позднѣйшіе лѣтописцы не останавливались на этомъ: олицетвореніе своего народа въ преданіи народномъ дало имъ поводъ распространить его и на его отдѣльныя части, на народы чужіе и на самые города. Въ этомъ отношеніи превзошли всѣхъ писатели Польскіе, начиная съ Кадлубка. Они для насъ не могутъ не быть важны, если мы обратимъ вниманіе на то вліяніе, какое оказывали они на составителей отечественныхъ хронографовъ въ позднѣйшую пору, въ XVI — XVII столѣтіяхъ. Кадлубекъ первый началъ примѣнять свою лѣтописную фантазію къ исторіи Польши и переполнилъ ея начало множествомъ баснословныхъ извѣстій, какъ времена историческія и дѣянія ближайшихъ къ нему лицъ изукрасилъ льстивыми выдумками. Онъ первый возвелъ народъ Польскій ко временамъ Яфета и произвелъ его отъ старшаго Яфетова сына, Явина. У него является и Вандалъ, прямой потомокъ Явина, или Русскаго Ивана, сыновья котораго, жившіе

---

79. Wýbor z literat. české, стр. 87.

80. Истор. Русск. слов. Шевырева, лекц. 2, стр. 78 — 79.

во времена Іосифа, населили различныя части Европы и образовали Россію, Померанію, Кашебію, Сербію, Богемію, Моравію, Штирію, Каринтію, Карніолію, Далмацію, Кроацію, Паннонію, Булгарію, словомъ, всѣ Славянскіе народы. По его увѣреніямъ, Поляки вели блистательныя войны съ Галлами и Римлянами[81], поражали Александра Македонскаго, и кончили родствомъ съ Юліемъ Цезаремъ, отдавшимъ сестру свою замужъ за Лѣшка III[82]. Это родство, равно и баснословная отдаленность Польскаго народа была принята и послѣдующими лѣтописцами, не замедлившими сдѣлать къ нимъ еще большія дополненія. Такъ у Кромера[83], Александръ Македонскій даруетъ Славянамъ грамоту; у Сарницкаго (1587) является уже Асарматъ, патріархъ[84], отъ котораго произошли Сарматы, Мосохъ, ниспосланный Сатурномъ, образовавшій Московію[85]; онъ же прибавилъ и родство Славянъ съ Александромъ Македонскимъ[86], даровавшимъ Славянамъ многія привиллегіи, скрѣпленныя особою грамотою, которая, по словамъ Сарницкаго, даже въ его время сохранилась въ Богеміи[87]. У Бѣльскаго[88], Вандалъ рисуется какъ Славянинъ, вмѣстѣ съ тремя братьями, происшедшій отъ Алана и давшій свое имя рѣкѣ Вислѣ. У него же, равно какъ у Кромера, Стрыйковскаго и Гваньини, явился и Скиѳъ князь. Стрыйковскій прибавилъ отъ себя также нѣсколько новаго и, подобно своимъ предшественникамъ, не упустилъ изъ виду и Россіи, снабжая и ее лицами небывалыми, обязанными бытіемъ своимъ

---

81. См. 2 и 3 письма, кн. I, въ издан. Joannis Dlugossi Histor. Polon. Lipsiae, 1712, t. XIII.

82. Тамъ же, письма 8—9, 16.

83. Lib. I, cap. 14.

84. Dlugossi Hist. Pol., t. XIII, 837.

85. Тамъ же, стр. 841.

86. Тамъ же, lib. II, cap. 1.

87. Тамъ же, стр. 875—879.

88. Происхожденіе Славянъ у него цѣликомъ списано съ Кадлубка, при чемъ не забытъ и Яванъ, сынъ Афетовъ, и какая-то Гелиса, происшедшая отъ Явана. Не опущено извѣстіе о близкихъ отношеніяхъ Александра Македонскаго къ Славянамъ, даже переведена изъ Чешской хроники на Польскій языкъ и грамота его Славянамъ. Kronika Polska Marc. Bielskiego, Zbiór pisarz. polsk., część IV, t. XI, стр. 27, 40—41.

горячей головѣ его и его старшихъ собратовъ — хронистовъ. Лѣтописецъ Чешскій XVI вѣка, Гайекъ, повторяя съ дополненіями выдумки Польскія, присоединилъ также не мало отъ себя баснословія, говоря о грамотѣ, данной Славянамъ Александромъ Македонскимъ[89]. Такъ, къ концу XIV вѣка, хроники и исторіи соплеменныхъ намъ народовъ были переполнены многими вымыслами, нимало не похожими на истину, и древнѣйшая исторія Славянъ сдѣлалась вполнѣ баснословною. Были ли знакомы эти творенія въ Россіи, и не пользовались ли здѣсь ими составители хроникъ? Отвѣчать на это можно положительно и утвердительно, какъ по характеру появившихся около этого времени трудовъ историческихъ, такъ и по прямому на нихъ указанію. Со второй половины XVI вѣка, еще болѣе въ XVII, и на Руси обнаружилось стремленіе къ олицетвореніямъ и къ возведенію исторіи своего народа въ темную и непроницаемую отдаленность. Въ одномъ изъ лѣтописцевъ XVI вѣка, Рюрикъ, по примѣру Кадлубка и его послѣдователей, произведенъ отъ Цесаря Августа[90]; это родословіе вошло даже и въ Степенную Книгу, въ которой дано мѣсто и пяти братьямъ: Словену, Русу, Болгару, Коману, Астеру[91], что, какъ увидимъ, вошло и въ лѣтопись Львовскую; въ хронографѣ XVII столѣтія упоминается и о грамотѣ Александра Македонскаго[92]; сами лѣтописцы этого времени, увлеченные Чешскими и Польскими выдумками, не скрывали своихъ оригиналовъ, указывая на нихъ прямо, какъ на свои источники, въ которыхъ, какъ замѣтили мы выше, находилось не менѣе сплетенныхъ басенъ и о Россіи. Такъ въ хронографѣ XVII столѣтія, въ самомъ началѣ читаемъ[93]: «здѣ же еще скажемъ и о Московскомъ Государствѣ. выписано на перечень изъ дву *кромниковъ* (хроникъ) *Полскихъ*, которые свидѣтельствованы с Греческою и с Чезкою и с Угорскою кроникою». Только такимъ образцамъ можно приписать производ-

---

89. О его выдумкахъ см. Палацкаго: Würdigung der alten böhmisch. Geschichtschreiber, Prag, 1830, стр. 273—292.

90. Опис. рукоп. Румянц. Муз., № CCLIII.

91. Татищ. Ист. Росс., I, 426.

92. Опис. рук. Рум. Муз., № CCCCLVII, стр. 767.

93. Тамъ же.

ство въ этомъ хронографѣ Москвы отъ Мосоха, Руси отъ русыхъ волосъ и т. п. Близкое знакомство съ Польско-Чешскими лѣтописателями Русскихъ видно и изъ баснословныхъ отрывковъ Чешской и Польской исторіи, внесенныхъ въ лѣтописи Русскія; напр., въ одномъ хронографѣ Румянцовскаго Музея[94] читаемъ особую статью: «о началѣ государства Польскаго и Чешскаго», гдѣ говорится о Крокѣ, королѣ Польскомъ, иже отъ племени Чеховъ; о Вандѣ, Кроковѣ дщери; о Премиславѣ, королѣ Польскомъ; о Лескѣ и т. п. По такимъ образцамъ начали составляться у насъ родоначальники народовъ и родословія князей. Явились басни о князьяхъ Скиѳскихъ: Словенѣ и Русѣ, о Великосанѣ, Асанѣ и т. д., которыя не только не считали стыдомъ вносить въ хронографы, а, напротивъ, думали тѣмъ блеснуть и указать на новость свѣдѣній, до нихъ никому неизвѣстныхъ: «здѣ же скажемъ», говоритъ одинъ хронографъ, «о исторіи, еже о началѣ Русскія земли и созданіи Новаграда и откуду влечашеся родъ Словенскихъ князей, *а во иныхъ хронографехъ сія повѣсть не обрѣтается*»[95]. Къ особому роду извѣстій должно отнести и производство, въ XVI вѣкѣ, князей Низовскихъ отъ Синеуса[96]. Идеалъ олицетвореній, сводъ прежнихъ баснословныхъ извѣстій о Славянахъ, и примѣненіе ихъ къ древнѣйшей исторіи Русской, представляетъ *подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи*, изданная Львовымъ (Спб., 1798 года)[97]. Въ какомъ же отношеніи къ этому иноземному вліянію, начавшемуся съ XVI вѣка на хронистовъ Русскихъ, находится первая половина отрывка Якимовскаго? Отвѣчать, кажется, не трудно, припомнивши эти названія и сличивши ихъ съ приведенными именами, несомнѣнно выдуманными, изъ писателей Польскихъ и Чешскихъ, а также

94. Тамъ же, № CCCCLVIII.

95. Тамъ же, № CCCCLVII.

96. Тамъ же, № CCCCLVIII.

97. Что дѣйствительно начало Львовской лѣтописи прошло чрезъ вліяніе баснословія Польскаго, ясно изъ прямаго указанія на лѣтописцевъ Польскихъ. На стр. 14 — 15 читаемъ: «обрѣтается же въ лѣтописцѣхъ Польскихъ, яко власть Славяно-Россійская и Рима досязаше.» На стр. 27 находится ссылка на Стрыйковскаго, когда говорится о наслѣдникахъ Кія, Щека и Хорива.

вкравшимися, не ранѣе XVI — XVII вѣка, и въ хронографы отечественные. Имена: Словенъ и Скиѳъ, Бастарнъ и Вандалъ, попадались намъ, какъ у первыхъ, такъ и въ послѣднихъ, и нѣтъ ничего несомнѣннѣе, какъ утверждать рѣшительно и положительно, что присутствіе ихъ въ отрывкѣ Якимовскомъ обязано тому же баснословному направленію въ періодъ позднѣйшей дѣятельности лѣтописной и, слѣдовательно, съ этой стороны, со стороны приведенныхъ именъ, ставить смѣло первую половину отрывка въ одинъ рядъ съ баснями Польско-Чешскими, нашими хронографами XVII столѣтія и съ лѣтописью Львовскою, — тѣмъ смѣлѣе, что отрывокъ представляетъ и ему исключительно свойственныя олицетворенія мѣстностей въ именахъ князей, какъ Выборга города въ имени сына Гостомыслова, Выбора, Изборска — въ имени Избора, сына Вандалова. Это заключеніе само собою ведетъ къ другому заключенію, что первая половина отрывка не могла появиться ранѣе баснословнаго въ лѣтописяхъ періода и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена ко времени епископа Новгородскаго Іоакима. Остальныя же этого рода имена: Гардорикъ, Гунигаръ и Колмогардъ доставляютъ новыя средства и къ болѣе точному опредѣленію времени. Всѣ три имени, будучи чуждаго происхожденія, чуждой формы, по своему образованію, рѣшительно неизвѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности отечественной; они не встрѣчаются и въ лѣтописяхъ остальныхъ Славянъ, будучи принадлежностью лишь народовъ западныхъ и сѣверо-западныхъ, оставившихъ эти имена въ своихъ сочиненіяхъ на языкѣ Латинскомъ. *Gardarikia* употребляется въ этихъ сочиненіяхъ для обозначенія всѣхъ земель, населенныхъ сѣверными Славянами [98]; *Chunigard*, извѣстный Гельмольду [99], какъ у него, такъ и у другихъ, означалъ Кіевъ, съ его областію [100]; наконецъ, *Holmgardhia* обозначала владѣнія Новгородскія [101]. Знакомство такимъ образомъ съ этими названіями въ Россіи указываетъ непосредственно на знакомство

98. Слав. Древн., II, 1, 152.
99. Lib. I, c. 1.
100. Слав. Древн., тамъ же.
101. Тамъ же, стр. 153.

съ западными Латинскими лѣтописями, или съ изданіями и объясненіями Скандинавскихъ; а это едва ли могло быть ранѣе XVIII столѣтія. Знакомство съ сагами Скандинавскими, по крайней мѣрѣ съ сочиненіями о нихъ и съ исторіями, составленными на основаніи ихъ, подтверждаетъ и имя *Адвинды*, супруги, *отъ Варягъ*, Вандала и матери Владиміра, Столпосвята и Избора. Къ сожалѣнію, только слагатель сихъ небывалыхъ родственныхъ узъ перемѣшалъ извѣстія сѣверныя: дочь короля Гардарика, Едвинда, бывшая въ замужствѣ за Шведскимъ королемъ, Галданомъ, какъ утверждаютъ послѣднія, превратилась у него въ принцессу Варяжскую, отданную за князя Гардарика[102]), а имя мужчины въ имя женщины.

Вторая часть именъ собственныхъ, сказали мы, принадлежитъ къ разряду личныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ подобнымъ олицетвореніямъ; таковы: Владиміръ, Столпосвятъ, Изборъ, Буривой и Гостомыслъ. Всѣ эти названія чисто Славянскаго происхожденія, и три изъ нихъ: Владиміръ, Буривой и Гостомыслъ, извѣстны были искони родственнымъ народамъ Славянскимъ. Имя Владиміра, какъ самое обыкновенное и въ наше время, равно употребительнѣйшее и въ древнѣйшую пору въ исторіи отечественной, не требуетъ никакого подтвержденія; второе, Буривой, носилъ послѣдній языческій князь Чеховъ и вмѣстѣ первый Христіанскій: anno Dominicae incarnationis 894 Borziwoy (= Burziwoy) baptizatus est, primus dux sanctae fidei catholicus[103]; имя Гостомысла не столь извѣстно, тѣмъ не менѣе и оно встрѣчается въ исторіи Славянъ Мекленбургскихъ, и притомъ въ давнее время[104]. Самое образованіе его ни мало не противорѣчитъ образованію личныхъ именъ Славянъ въ эпоху ихъ язычества. Первая часть его: *гость*, Нѣмецк. Gast, попадается и при названіяхъ мѣстностей, и при именахъ лицъ; такъ: *Hostiwar*, селеніе въ Богеміи, упоминаемое Козьмою Пражскимъ[105]; тамъ же

---

102. Татищ. I, гл. 4, прим. 14. Сравн. Библіот. для Чт. 1834, I, отд. III, стр. 36, прим. 10.

103. Script. rer. bohem. I, 35; тамъ же, стр. 208, 211, 215, 218 и др.

104. Шлец. Нест. I, 303.

105. Script. rer. bohem. I, 143.

Hostin Hradec, построенный въ первой половинѣ XII столѣтія; *Гостивитъ*, князь Чешскій, былъ отцемъ Буривоя [106]; того же происхожденія и названія: Гостилецъ и Гостило, извѣстныя въ нашихъ лѣтописяхъ Новгородскихъ [107]. Что касается до второй части, то и она не можетъ быть отвергнута, какъ встрѣчающаяся нерѣдко въ словообразованіи Славянскомъ какъ въ Русскихъ памятникахъ, такъ и у другихъ Славянъ. Вспомнимъ нашего Галицкаго князя Осмомысла, Чешскихъ князей: Незамысла [108]. Кресомысла [109]. Имена *Столпосвятъ* и *Изборъ*, сколько мнѣ извѣстно, въ цѣлости необыкновенны въ памятникахъ Славянскихъ, какъ неупотребительны и у нынѣшнихъ Славянъ, удерживающихъ доселѣ имена Славянскія. При всемъ томъ, и ихъ образованіе не противорѣчитъ законамъ языка и обычаю Славянъ въ древности давать разнообразнѣйшія названія, заимствованныя или отъ животныхъ, или отъ неодушевленныхъ предметовъ, или отъ понятій чисто отвлеченныхъ; къ тому же, послѣдняя половина ихъ: *святъ* и *боръ* искони входили въ составъ именъ собственныхъ (Святовитъ, Труборъ); весьма характеристиченъ и предлогъ *изъ*, при имени Изборъ, какъ принадлежность Русскаго нарѣчія, въ противоположность соотвѣтствующему *вы*, принадлежности западныхъ Славянъ. Но если, по своему образованію, вторая часть названій отрывка не можетъ возбуждать сильныхъ возраженій и подозрѣній, то, со стороны исторической дѣйствительности лицъ, обозначенныхъ этими названіями, изслѣдователь долженъ произнести надъ ними почти такой приговоръ, какой высказанъ нами и относительно несомнѣнно баснословныхъ, вымышленныхъ названій. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ имени *Гостомысла*, ни одна лѣтопись, ни одинъ письменный памятникъ, ни одно даже народное преданіе не дѣлаетъ никакого намека на существованіе до Рюрика князей: Владиміра, Столпосвята, Избора и Буривоя, и, такимъ образомъ, при всемъ Славянизмѣ этихъ названій, при всей возможности быть имъ принадлежностію князей сѣверно-Русскихъ,

106. Тамъ же, I, 23.
107. Новгор. лѣт. I, 50 и 109.
108. Script. rer. bohem. I, 22.
109. Тамъ же.

Новгородскихъ или Слозенскихъ, должны однажды на всегда повторить слова Ломоносова: «вѣроятности отрещись не могу, достовѣрности не вижу»[110]. Съ Гостомысломъ случилось иначе. Его имя, съ названіемъ старѣйшины Новгородскаго, внесено и въ другія лѣтописи и въ сочиненія историческія позднѣйшаго времени, какъ лица дѣйствительнаго, историческаго и притомъ съ тѣмъ же характеромъ судьи и совѣтника, предложившаго своимъ согражданамъ просить князя отъ Варяговъ. Не говоря о Стрыйковскомъ, Степенной книгѣ Новгородской[111], лѣтописи Никоновской, гдѣ упоминается о Гостомыслѣ, какъ о лицѣ дѣйствительномъ, важномъ въ исторіи до-Рюриковской у Славянъ сѣверныхъ, имя его и значеніе приводится и въ лѣтописи Несторовой, по списку Софійскому. Разсказавъ о разселеніи Славянъ съ Дуная, лѣтописецъ продолжаетъ: «Словѣни же пришедше съ Дуная, сѣдоша около озера Ильменя, и прозвашася своимъ именемъ и съдѣлаша градъ и нарекоша Новгородъ и *посадиша старѣйшину Гостомысла*»[112]. Такъ же положительно утверждаетъ существованіе его въ Новгородѣ и лѣтописецъ Новгородскій, называя Гостомысла *первымъ посадникомъ*[113]. При такихъ ясныхъ и обильныхъ указаніяхъ едва ли можно ставить Гостомысла въ ряду другихъ особъ, приведенныхъ въ отрывкѣ Якимовскомъ; тѣмъ рѣшительнѣе должно отказаться отъ ультра-скептическаго взгляда Шлецера, что два послѣднія свидѣтельства принадлежатъ и древнимъ, и во всѣхъ частяхъ достовѣрнымъ источникамъ. Вотъ почему, думаемъ, и нашъ исторіографъ, хотя молча, отвергъ этотъ взглядъ и призналъ извѣстіе о старѣйшинѣ Гостомыслѣ *немаловажнымъ древнимъ прибавленіемъ*[114]. Калайдовичъ возсталъ уже прямо противъ Шлецерова приговора и объявилъ, что Гостомысла, безъ всякаго сомнѣнія, можно признать если не Новгородскимъ княземъ, то по крайней мѣрѣ главнымъ изъ Новгородскихъ сановниковъ[115]; а г. Соловьевъ утверждаетъ, что

110. Сочин. Ломонос., изд. Акад. Наукъ, 1786, ч. V, стр. 142.
111. Татищ. Истор. Рос., II, 361, прим. 43.
112. Софійск. лѣт. I, 83.
113. Продолж. Древн. Росс. Вивл. ч. II, 317.
114. Ист. Гос. Росс., I, предисл. xxxi.
115. Опытъ о посад. Новгор., 26, прим. 49.

преданіе о Гостомыслѣ и Вадимѣ внесено въ позднѣйшіе списки изъ начальной Новгородской [117]. И такъ, изъ всѣхъ названій личныхъ первой половины отрывка Якимовскаго, какъ перваго, такъ и втораго рода, только одно носитъ на себѣ слѣды неподлежащей сомнѣнію дѣйствительности; остальныя или очевиднымъ образомъ вымышлены и относятся къ разряду тѣхъ олицетвореній, которыя занесены къ намъ писателями западно-Славянскими, или принадлежатъ къ числу извѣстій, рѣшительно немогущихъ быть принятыми за очевидную истину, какъ совершенно лишенныя всякой опоры, не находящими себѣ оправданія ни въ одномъ изъ всѣхъ остальныхъ источниковъ исторіи отечественной, на сколько они извѣстны въ настоящее время. Здѣсь же нельзя пройти молчаніемъ и трехъ названій мѣстности: Славѣнска, Выбора и Бярміи т. е. Кареліи, по мнѣнію Татищева. Что касается до перваго; то, хотя основаніе его Словеномъ, провозглашаемое въ отрывкѣ, и должно отнести къ числу баснословныхъ вымысловъ, существованіе однако же въ отдаленной древности можетъ находить значительную степень вѣроятности. Дѣйствительно, и Славянскій конецъ, и Славянская улица, и названіе жителей Ильменскихъ по превосходству Словенами, скорѣе оправдываютъ, чѣмъ опровергаютъ подобное же названіе и города. Не забудемъ при этомъ Новгородскаго городища *Славна*, упоминаемаго на первыхъ страницахъ лѣтописи Новгородской [118], жители котораго назывались *Славянами;* многихъ урочищъ, также вблизи Новгорода, или въ древней его области, съ такими же именами; какъ: *Славна* — рѣчка и селеніе; *Слава* — урочище, въ Боровицкомъ уѣздѣ; *Славково* озеро — въ Валдайскомъ уѣздѣ; *Славковичи* — въ Псковскомъ; *Славная* (пустошь) — въ Тихвинскомъ, Новоржевскомъ и Весьегонскомъ; *Славенецъ* — въ Псковскомъ и Опочковскомъ и т. д. [119]; наконецъ и названіе сѣверныхъ странъ, относительно Кіева, Славянскими землями въ лѣтописи Супрасльской: «и пришедъ изъ Кіева (Вла-

---

116. Истор. Росс., т. III, 125.

117. Новгор. I, 3, 11, 18.

118. См. Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешеств. въ Россіи З. Д. Ходаковскаго. Русск. Истор. Сборн. М. Погодина, т. VII, 1844, стр. 283 — 290.

диміръ Святоі) въ *Словенскоу землю* и постави градъ въ свое имя»[119]. Все это служитъ къ подтвержденію извѣстія въ отрывкѣ о городѣ Словенскѣ. Это извѣстіе и не принадлежитъ ему одному; оно находится также въ Софійской лѣтописи, по которой черезъ этотъ городъ проходилъ апостолъ Андрей, во время своего путешествія изъ Корсуня въ Римъ[120]. Совсѣмъ другой выводъ слѣдуетъ сдѣлать объ имени Выборъ и Бярмія. Первый олицетворенъ въ сынѣ Гостомысловомъ, Выборѣ, для котораго, будто, и построенъ самый городъ, названный въ его имя. Ясно, что такому олицетворенію далъ поводъ Выборгъ, явившійся не ранѣе какъ въ XIV вѣкѣ, о которомъ не было и помину въ эпоху Іоакима епископа. Предполагать, подобно Татищеву, существованіе его въ то время, совершенное опустѣніе въ послѣдствіи и возобновленіе только въ XIV вѣкѣ съ старымъ именемъ, значитъ допускать предположенія голыя, безъ малѣйшаго историческаго основанія. Выборгъ принадлежитъ народу Нѣмецкому, и въ отрывкѣ можно только подмѣтить знакомство составителя съ языкомъ Нѣмецкимъ, выразившееся въ удачномъ ославянизированіи Нѣмецкаго названія города (Выборга) въ названіи лица и города Славяно-Русскомъ (Выборъ, ср. Изборъ, Труборъ). Оба эти обстоятельства ведутъ къ одному результату, что составитель жилъ послѣ XV вѣка, и долго послѣ, если онъ такъ хорошо могъ отличать и отдѣлить Нѣмецкую особенность при своемъ олицетвореніи. На то же указываетъ и послѣднее, Бярмія. Названіе это, ни въ древнѣйшей лѣтописи Нестора, ни въ древнѣйшихъ грамотахъ Новгородскихъ, ни въ позднѣйшую пору, рѣшительно не было извѣстно въ нашемъ отечествѣ; между тѣмъ съ древнихъ поръ встрѣчается оно въ иноземныхъ извѣстіяхъ о Россіи, у писателей Нѣмецкихъ, и всего естественнѣе могло быть взято вмѣстѣ съ Кунигардомъ, Гардарикомъ и Голмгардомъ оттуда же.

Сводя въ одно цѣлое всѣ замѣчанія относительно первой половины лѣтописи Якимовой, мы получимъ заключенія: 1) Въ

---

119. Супрасл. лѣтоп. К. Оболенскаго, 1836, стр. 10.

120. Опытъ о посад. Новгор., стр. 36, прим. 74.

121. 20 прим. къ Якимовск. лѣтоп.

общемъ составѣ своемъ, въ воззрѣніи на передвиженіе Славянъ, на разселеніе ихъ и на жизнь ихъ, въ общихъ чертахъ, на сѣверѣ, этотъ отрывокъ вполнѣ согласенъ съ лѣтописью преподобнаго Нестора и съ другими достовѣрными и древними источниками. Отсутствіе подробностей, частностей, даже мелочей, останавливающихъ на себѣ всегда вниманіе современника, указываетъ, что первая половина сего отрывка должна явиться въ позднюю пору и, слѣдовательно, подъ перомъ человѣка, способнаго правильно схватить эти общія черты изъ старыхъ памятниковъ. 2) Характеръ обильныхъ олицетвореній и употребленіе такихъ олицетворенныхъ именъ, какія встрѣчаются только въ позднѣйшихъ Польско-Чешскихъ лѣтописяхъ, заносившихся на Русь, въ XVI — XVII столѣтіяхъ, и служившихъ здѣсь матеріаломъ, подтверждаютъ эту позднюю пору составленія и, съ этой стороны, ставятъ начало отрывка въ рядъ баснословныхъ хронографовъ, явившихся подъ тѣмъ же вліяніемъ западно-Славянскимъ. Не даромъ и ссылался Мелхиседекъ на старинныя Польскія книги, которыя собиралъ мнимый Веніаминъ[122]. 3) Олицетворенія Кунигара, Гардарика и Выбора, съ названіемъ Голмогарда и Ѣярміи, свидѣтельствуютъ о знакомствѣ автора съ писателями западно-Латинскими, или Нѣмецкими вообще, и точнѣе опредѣляютъ время его труда, низводя его къ XVIII столѣтію. Наконецъ 4) имя Гостомысла, или князя или старѣйшины Новгородскаго, и названіе города Словенска, заставляютъ предполагать у автора присутствіе такихъ списковъ лѣтописей древнихъ, въ которыхъ говорилось, хоть, вѣроятно, и не съ такою подробностью, о томъ и другомъ. Подобные списки, какъ замѣтили мы, находятся и въ настоящее время. Кто же былъ этотъ авторъ? Удовлетворительнаго отвѣта на такой вопросъ нечего и ожидать; трудно даже и гадать о немъ, при той неопредѣленности свѣдѣній, какія оставилъ издатель лѣтописи о ея находкѣ. Во всякомъ случаѣ, видно, что авторъ далеко не принадлежалъ къ сословію грубыхъ, невѣжественныхъ, средневѣковыхъ монаховъ; видно, что, желая представить начало Русскаго государства по той системѣ, какая была въ

122. Татищ., Истор. Росс., I, гл. 4, 31.

ходу въ его время, по системѣ олицетвореній, и взявши за образецъ для этого новые хронографы, онъ внимательно изучилъ извѣстія Несторовы о древнѣйшемъ состояніи Славянъ, прочиталъ и сочиненія, или выписки изъ нихъ, и иноземныхъ писателей. Не былъ ли это самъ Татищевъ? Ни его образованіе, ни его добросовѣстность, ни отсутствіе для него цѣли къ подобному занятію, не даютъ повода дѣлать такого предположенія: повторимъ еще разъ, что онъ владѣлъ рѣдчайшими списками несомнѣнной лѣтописи Нестора и могъ вполнѣ довольствоваться ими, положиться на нихъ. Его отзывъ о началѣ Якимовской лѣтописи еще рѣшительнѣе устраняетъ подозрѣніе. Говоря о началѣ появленія имени Славянъ, которое, по Прокопію и Іорнанду, относится къ VI вѣку, Татищевъ заключаетъ: «хотя я оного Новгородскаго вышеписаннаго баснословца не утверждаю, но и сіе за право принять не могу, чтобы во время Прокопія Словене перво назвалися»[123]. Еще сильнѣе высказываетъ онъ свое мнѣніе о выдумкахъ на страницѣ 71[124]. «Чехи и Поляки вымыслили трехъ братовъ — Чеха, Ляха и Руса; нашъ Новгородецъ — князя Словена и другихъ славныхъ именъ, *которыя басни отъ самыхъ тѣхъ сложеній лехко обличаются.*» И такъ самъ Татищевъ признаетъ первыя страницы лѣтописи Якимовской за басни, и признаетъ публично, печатно; и можно ли послѣ этого думать, чтобы эти басни писалъ онъ самъ и потомъ отзывался о себѣ какъ о *баснословцѣ?* Но разсмотримъ вторую часть лѣтописи; быть можетъ, она раскроетъ еще нѣсколько данныхъ для объясненія появленія загадочнаго отрывка.

РАЗБОРЪ
ВТОРОЙ ЧАСТИ ЛѢТОПИСИ ЯКИМОВОЙ.

Здѣсь, въ самомъ началѣ этого отдѣла, мы должны снова остановиться на лѣтописцахъ Польскихъ. Вліяніе ихъ на Русскихъ писателей-хронографовъ нами указано: оно было вредно

123. Тамъ же, стр. 428.
124. Тамъ же, стр. 71.

для истины исторической, для правильнаго пониманія трудовъ по исторіи; оно увлекло и нашихъ соотчичей въ міръ баснословный, въ міръ безосновательныхъ, часто нелѣпыхъ вымысловъ, доставляя имъ отчасти готовый уже матеріалъ выдумокъ, отчасти побуждая ихъ къ новымъ своимъ примѣромъ. Но, принимая участіе въ дѣлахъ нашего отечества, толкуя иногда и не мимоходомъ въ своихъ твореніяхъ о событіяхъ, въ немъ совершившихся, были ли свободны сами Польскіе писатели хроникъ и исторій отъ вліянія нашихъ лѣтописцевъ? Не брали ли и они извѣстій у послѣднихъ? Вопросъ этотъ не можетъ быть не важенъ при той мысли, что многіе изъ древнихъ списковъ нашихъ лѣтописей погибли для насъ, а вмѣстѣ съ ними могло погибнуть немало и фактовъ изъ исторіи отечественной. Возможность послѣдняго обстоятельства понятна и не заслуживаетъ подозрѣнія въ глазахъ людей, знакомыхъ съ извѣстными теперь списками, изъ которыхъ рѣдкій не представляетъ чего либо новаго, отличнаго отъ другихъ. То же самое могло случиться и съ погибшими списками, могшими служить источниками для хронистовъ Польскихъ. Что послѣдніе, дѣйствительно, пользовались нашими лѣтописями, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и доказывается какъ ходомъ и содержаніемъ событій о Россіи, ими записанныхъ, такъ и прямыми указаніями на Русскія лѣтописи. Стоитъ только сравнить извѣстія о Россіи Длугоша, Бѣльскаго, Сарницкаго и Стрыйковскаго, чтобы не считать этого положенія за парадоксъ[125].

---

125. Галлъ и Кадлубко не представляютъ рѣзкихъ примѣровъ заимствованія, а потому мы и остановимся на послѣдующихъ: *Длугошѣ*, Бѣльскомъ, Сарницкомъ и Стрыйковскомъ, приводя при семъ только событія, оправдываемыя лѣтописью Нестора, или прямо изъ нея взятыя. Всѣ древнѣйшія извѣстія о Руси, включенныя въ Исторію *Длугошемъ*, прямо указываютъ собою на первоначальный ихъ источникъ — лѣтописи Русскія. Передавая разсказъ о построеніи Кіева, *Длугошъ* такъ говоритъ (Hist. Pol., 1711, t. XII, p. 48): erant apud illos (Ruthenos) tres viri, eodem patre et utero geniti: Kig. Sczyg, Korew, et quarta soror, liberi *tam ingenio, quam virtutibus praestantes*, ut qui facile principatum in gente consecuti, caeteros redegerunt in suas ditiones, *a quibus caeterae nationes secundum tribus et domos suas derivatae sunt*. Hi, tribus castris in Russia erectis, sua illis indiderunt nomina. Nam Kig castrum super fluvium (D)Nieper a se constructum vocavit Kiow, Sczyk — Sczykawica et Korew — Korewica. Не есть ли это перифразъ преподобнаго Нестора, его описанія трехъ братьевъ и четвертой сестры, Лыбеди, построенія ими города

Такое несомнѣнное, близкое знакомство Польскихъ хронистовъ съ лѣтописями Русскими, до конца XVI столѣтія, даетъ имъ неотъемлемое право на вниманіе историка Русскаго; это право тѣмъ обязательнѣе для послѣдняго, чѣмъ болѣе въ ряду событій, включенныхъ въ ихъ хроники и очевидно заимствованныхъ изъ лѣтописцевъ Русскихъ, встрѣчаемъ и событія, ненаходящіяся въ наше время въ послѣднихъ, хотя и ни мало не противорѣчащія ходу исторіи вообще. И тѣмъ довѣрчивѣе долженъ смотрѣть историкъ Русскій на такія новыя событія, чѣмъ согласнѣе онѣ съ другими извѣстіями и чѣмъ болѣе находятъ намековъ на себя въ древнихъ памятникахъ письменности Русской. Понятно, что выраженіе: такой-то фактъ, записанный Длугошемъ, Бѣльскимъ, или Стрыйковскимъ, по ихъ словамъ,

---

Кіева, описанія ихъ, какъ мужей мудрыхъ, принадлежавшихъ къ роду Полянъ, *отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне.* Подобнымъ же образомъ руководился Длугошъ Несторомъ и выражался часто его словами, въ переводѣ на Латинскій языкъ, при описаніи Радимичей и Вятичей (тамъ же, сравн. стр. 108), призванія Рюрика съ братьями; при описаніи Аскольда и Дира, взятіи Кіева Игоремъ (т. е. Олегомъ), его убіеніе Древлянами, мщенія имъ Ольгою, ея крещенія въ Константинополѣ и благословенія патріархомъ: benedicta tu inter mulieres Ruthenorum et nomen tuum in omnes generationes sit gloriosum et benedictum (тамъ же, стр. 50; сравн.: благословена ты въ женахъ Русскихъ.... благословити тя хотять сынове Рустіи въ послѣдній родъ внукъ твоихъ. Лавр. 26). Въ такомъ же отношеніи стоитъ Длугошъ къ Нестору и при изображеніи геройства Святослава и его убіенія Печенѣгами (тамъ же, стр. 100 — 101; сравн. Лавр., стр. 31). Слово до слова по Нестору изображена и привязанность Владиміра, въ первые годы его княженія, къ идолопоклонству: fabricavit dux Wladimirus deo suo principali Fulmini corpus et simulacrum ex ligno, caput ex argento et nares ex auro; caeterisque diis lucos et simulacra constituit (тамъ же, стр. 104; сравн. Лавр., 34). Даже не измѣненъ и порядокъ лѣтописи Несторовой, что особенно замѣтно при обозрѣніи исторіи Владиміра. — Подобное же заимствованіе отразилось и на лѣтописи Мартына Бѣльскаго, хотя и трудно рѣшить, было ли это заимствованіе непосредственное, или пользовался Бѣльскій только Длугошемъ. Правда, что у него нѣтъ ничего, чего бы не было у Длугоша; даже извѣстія послѣдняго являются у перваго лишь въ сокращенномъ видѣ (Kron. Marc. Bielsk. Warszawa, 1829, стр. 126 — 130); тѣмъ не менѣе выраженіе, поставленное передъ сказаніемъ о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ: dopiero stąd kronikę swą zaczynają, говоритъ и въ пользу личнаго его знакомства съ лѣтописями Русскими. Новаго, сравнительно съ Длугошемъ, нѣтъ у Бѣльскаго, кромѣ развѣ неправильности въ именахъ собственныхъ, какъ Труоль вмѣсто Труворъ, Яроміръ вм. Ярославъ, Тверь вм. Туровъ, да извѣстій о смерти Ольги со страху отъ осады Кіева Печенѣгами, во время отсутствія Святослава, и крещенія Владиміра будтобы въ Царѣградѣ. — Что касается до Сарницкаго, то

изъ лѣтописей Русскихъ, не находится въ послѣднихъ и, слѣдовательно, онъ ложенъ, не можетъ и не должно имѣть значенія, повторяемъ опять, потому что далеко не всѣ лѣтописи дошли до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ и объемѣ, и могли быть доступны историкамъ Польскимъ XV и XVI столѣтій. Отсюда само собою понятно, какую важность могутъ имѣть указанные лѣтописцы Польскіе и при рѣшеніи вопроса о стародавности событій, внесенныхъ во вторую часть отрывка Якимовскаго и ненаходящихся въ безсмертномъ твореніи преподобнаго Нестора: чего нѣтъ въ его спискахъ теперь, то могло быть за 300 лѣтъ тому назадъ, притомъ въ произведеніяхъ не одного Нестора, но и другихъ столь же достовѣрныхъ, какъ Несторовы. Вотъ почему, переходя къ критическому разсмотрѣ-

---

нѣтъ нужды и доказывать знакомства его съ нашими лѣтописями и пользованія ими при описаніи событій изъ Русской исторіи содержаніемъ его сочиненій. Довольно указать на его собственныя слова объ этомъ, повторяемыя неоднократно по случаю выписокъ изъ лѣтописей Русскихъ. Такъ, разсказывая о смерти Олега словами Нестора, Сарницкій прибавляетъ, какъ бы въ подтвержденіе своихъ извѣстій: haec annalistae Russorum annotant, quos latopisos illi lingua sua vocant (Dlugos. Hist. Polon., t. XIII, lib. V, cap. X, p. 1035). Свѣдѣнія объ Ольгѣ: о ея мщеніи, о крещеніи и т. д. извлекъ онъ тоже оттуда, въ чемъ также признается самъ: quae Russorum chronicarii de sua Holha vel Helena narrant (тамъ же, стр. 1039). — Еще болѣе подобныхъ извлеченій и ссылокъ находимъ у Стрыйковскаго. Знакомство его съ памятниками Русской исторіи видно какъ въ прямыхъ указаніяхъ на Русскія лѣтописи, такъ и въ часто дословномъ изъ нихъ переводѣ на Польскій языкъ. Передавая извѣстія о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, какъ о начальныхъ князьяхъ Русскихъ, Стрыйковскій утверждаетъ, что объ этомъ свидѣтельствуютъ *всѣ хроники Русскія* (Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystk. Rusi. Warszawa, 1846, I, 90); на Русскія хроники ссылается онъ и при изображеніи звѣрской жизни Радимичей, Вятичей и Дулѣбовъ (тамъ же, стр. 112); *стародавними Русскими лѣтописями* подтверждаетъ свое описаніе господства Хозаръ надъ Славянами Русскими и недостаточность свѣдѣній о происхожденіи Варяговъ: bo i Russkie kroniki, okrom samego ich nazwiska, dalszego o nich wywodu nie czynią (тамъ же, стр. 113). Подобнымъ же образомъ скрѣпляютъ свои извѣстія Русскими лѣтописями и въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Русской (см. тамъ же, стр. 115, 121). Въ одномъ мѣстѣ онъ даже самъ говоритъ, что у него было очень много лѣтописей Русскихъ, которыя онъ соглашалъ съ историками Византійскими и Польскими (тамъ же, 133). Нерѣдко цѣликомъ переведены у Стрыйковскаго цѣлыя страницы, съ удержаніемъ всѣхъ характеристическихъ особенностей лѣтописца Русскаго (сравн. тамъ же, стр. 113—114, 115, 118—120, 121—123). Стоитъ лишь сравнить эти мѣста съ лѣтописью Нестора, чтобы убѣдиться, что Стрыйковскій только переписывалъ перваго по-Польски.

нію второй половины отрывка Якимовскаго, мы не считаемъ себя въ правѣ обойти и хронистовъ Польскихъ и не извлечь изъ нихъ всего того, что можетъ служить подтвержденіемъ или опроверженіемъ событій, въ него внесенныхъ.

Такъ какъ лѣтопись Якимовская, съ начала княженія Рюрика, рѣшительно не представляетъ отличія отъ Несторовой, что касается до общаго хода событій; то мы и остановимся только на частностяхъ, которыя составляютъ принадлежность единственно первой, слѣдуя въ этомъ порядку княженій.

Не смотря на короткость, съ какою описано, подобно Нестору, княженіе Рюрика составителемъ, такъ называемой, Якимовской лѣтописи, и въ немъ замѣчаемъ уже особенности, служащія отчасти поясненіемъ неопредѣленнаго разсказа Несторова, частію дополненіемъ его, не заключающія однако же ни въ чемъ противорѣчія лѣтописцу Кіевскому. Къ числу поясненій должно отнести слѣдующія замѣтки, приведенныя какъ бы мимоходомъ, но какъ факты положительные, въ отрывкѣ Якимовскомъ: 1) Извѣстіе, что Рюрикъ, по смерти братьевъ своихъ, владѣлъ всею ихъ землею, *не имѣя ни съ кѣмъ войны*. У Нестора подобнаго выраженія не находимъ; но, въ то же время, не находимъ и никакихъ намековъ на то, чтобы Рюрикъ велъ войны съ кѣмъ либо изъ своихъ сосѣдей; напротивъ, слова, читаемыя въ спискѣ Лаврентьевскомъ (стр. 9), при исчисленіи владѣній Рюриковыхъ — области Новгородской, Полоцкой, Ростовской, Бѣлозерской и Муромской, т. е. областей, которыя участвовали въ призывѣ князей Варяжскихъ[126], — слова: *и тѣми всѣми*

126. Правда, по Нестору, между призвавшими Рюрика приводятся только Новгородцы (Словени), Чудь и Кривичи; но, какъ замѣтили мы выше, нападеніямъ Варяговъ подвержены были Меря и Весь, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, не могли оставаться холодными зрителями рѣшительныхъ дѣйствій своихъ сосѣдей и не принять участія въ этихъ дѣйствіяхъ. Что это такъ и было, доказывается и владѣніемъ Синеуса Бѣлымъ озеромъ, лежавшимъ въ странѣ Веси, также не включенной Несторомъ въ союзъ Кривичей, Словенъ и Чуди; а о причисленіи Мери къ народамъ, вызвавшимъ Рюрика съ братьями, говорятъ списки: Архангельскій Софійскій и Никоновскій (Ист. Гос. Росс., т. I, прим. 230). Но если бы даже Меря и Мурома и оставались при прежнемъ устройствѣ въ первый годъ прибытія Варяго-Руссовъ; то и отсюда не слѣдуетъ, чтобы непремѣнно Рюрикъ завоевалъ ихъ, а не братъ его, Синеусъ, владѣніе котораго въ Веси соприкасалось съ землями

обладаше Рюрикъ, говорятъ очень явственно, что онъ и не распространялъ своихъ владѣній и не поднималъ ни противъ кого оружія. Это молчаніе о войнахъ Рюрика въ лѣтописи Нестора, и безъ указанія отрывка Якимовскаго, справедливо дало поводъ нашимъ историкамъ не отвергать мирнаго его княженія до самой смерти[127]. 2) Переселеніе Рюрика изъ стараго города въ новый, *въ четвертый годъ его княженія*. Что Рюрикъ первоначально остановился не въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ, и что только по смерти братьевъ поселился въ первомъ, это фактъ давнимъ-давно принятый въ исторію и не требуетъ поясненій[128]. Слѣдовательно дѣло касается только названія Ладоги *старымъ городомъ* и времени переселенія князя въ *новый*. Возможность названія Ладоги старымъ городомъ ни мало не можетъ противорѣчить дѣйствительности. Ладога существовала задолго до прибытія Рюрика, между тѣмъ какъ Новгородъ срубленъ Рюрикомъ и отъ него получилъ названіе Новгорода, быть можетъ, и очень вѣроятно, въ противоположность городу, образовавшемуся до него и по тому самому считавшемуся *старымъ*, сравнительно съ построеннымъ имъ *новымъ*[129]. Время переселенія въ Новгородъ, въ четвертый годъ правленія Рюрика, также ни мало не противорѣчитъ Нестору. По словамъ послѣдняго, Рюрикъ явился къ Ильменю только по смерти братьевъ, слѣдовательно, не ранѣе двухъ лѣтъ послѣ прибытія ихъ изъ-за моря Варяжскаго; но когда именно, тотчасъ ли по смерти Синеуса и Трувора, или спустя еще нѣсколько времени, этого вовсе не видно изъ сказанія Нестора, и четвертый годъ переселенія Рюрика можетъ быть такъ же дѣйствительнымъ, какъ можетъ быть ложнымъ мнѣніе, что онъ перебрался въ Новгородъ немедленно послѣ смерти братьевъ своихъ. 3) При-

---

Мери и Муромы, и Рюрикъ, такимъ образомъ, могъ только получить въ наслѣдство область Синеусову, по его смерти, какъ получилъ онъ и владѣніе Трувора, и вовсе не быть личнымъ завоевателемъ.

127. Сравн. Карамз. Ист. Гос. Росс., I, 116; Соловьева, I, 97—98.

128. Сравн. списки: Кенигсберск., Хлѣбн., Ипат.: *и сѣде в Ладогѣ старѣи Рюрикъ*.

129. ...*и пришедъ ко Ильмерю, и сруби городокъ надъ Волховомъ и прозва й Новъгородъ*. Лавр. 9, варіант. е.

нявши всю власть одинъ, Рюрикъ *посажа по всѣмъ градомъ князи отъ Варягъ и Славянъ*, говоритъ отрывокъ Якимовской. Сравнивая эти слова съ Несторовыми: «и прія Рюрикъ власть всю одинъ и *раздая мужемъ своимъ* волости и городы рубити», видимъ все различіе въ одномъ титулѣ князей, названнымъ Несторомъ просто *мужами*, да въ прибавкѣ *отъ Славянъ*. Послѣ приведенныхъ нами выше свидѣтельствъ о существованіи на Руси *князей*, съ самыхъ первыхъ временъ Русскаго государства, независимо отъ князя Новгородскаго, а потомъ Кіевскаго, нѣтъ повода сомнѣваться въ извѣстіи лѣтописи Якимовской. Эти самые *мужи* Нестора, разосланные Рюрикомъ по городамъ и областямъ, могли также называться князьями при Рюрикѣ, какъ названы они *свѣтлыми князьями* при Олегѣ и Игорѣ, въ ихъ договорахъ съ Греками [130]. Замѣтимъ, что въ отрывкѣ Якимовской лѣтописи эти второстепенные князи, зависящіе отъ Рюрика, именуются *подручные князи*, какъ *свѣтлые князи* Олега названы *сущими подъ его рукою*. Что касается до прибавки *отъ Славянъ*, то стоитъ только обратиться къ именамъ пословъ въ тѣхъ же договорахъ съ Греками, между которыми, при всей ихъ испорченности, нельзя не отличить названій чисто-Славянскихъ, какъ: Веремудъ, Стемидъ, Прастѣнъ и др., чтобы не считать Славянъ за парій, будто лишенныхъ всякаго права на занятіе почетныхъ и высшихъ званій. Къ числу дополненій Несторовой лѣтописи относятся извѣстія о дѣтяхъ Рюрика и множествѣ у него женъ, изъ которыхъ самою любимою была Ефанда, мать Игоря, которой, будто бы, данъ въ вѣно городъ Ижора съ областью. Ни тому, ни другому извѣстію нѣтъ прямаго оправданія у Нестора; даже не замѣтно и намека; равно не находимъ никакого подтвержденія и въ другихъ древнихъ памят-

---

130. «Мы отъ рода Рускаго.... иже послани отъ Олга, великаго князя Рускаго, *и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ и великихъ князьи* его великихъ бояръ.» Или: «по первому убо слову да умиримся съ рами, Греки, да любимъ другъ друга отъ всея души и изволенья, и не вдадимъ, елико наше изволеніе быти *отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ* ни какомуже съблазну или винѣ.» «Мы посланіи отъ Игоря великаго князя Рускаго, и *отъ всякоя княжья*, и отъ всѣхъ людій Рускія земли. Лаврент. 13, варіант. 13, 14, 20.

никахъ; поэтому и судить о достовѣрности такихъ извѣстій можно только по возможности событій въ ту эпоху, къ которой отнесены они, по степени вѣроятности этой возможности. Что приведенные факты возможны, кажется, никто не станетъ сомнѣваться. Рюрикъ скончался уже въ преклонныхъ лѣтахъ, что можно заключить изъ его старшинства надъ Труворомъ и Синеусомъ, умершими пятнадцатью годами прежде старшаго брата, и между тѣмъ сынъ его, Игорь, при смерти отца, *бысть дѣтескъ вельми*, или, какъ говоритъ Степенная Книга: «сына же своего Игоря видѣ мала суща, остави яко *двою лѣтъ*»[131]. Это прибавленіе Степенной Книги Карамзинъ считаетъ очень вѣроятнымъ[132]: трудно предположить, чтобы при общемъ обыкновеніи жениться въ молодыхъ лѣтахъ, при обычаѣ многоженства, Рюрикъ не имѣлъ дѣтей, въ продолженіе пятнадцатилѣтняго правленія въ Новгородѣ, до 877 года, когда родился у него сынъ Игорь. Молчаніе Нестора, въ этомъ случаѣ, ничего не доказываетъ: онъ почти ничего не говоритъ и вообще объ основателѣ Русскаго государства, не смотря на продолжительное его государствованіе; видно, что онъ слишкомъ мало имѣлъ подъ рукою матеріаловъ, что и самъ старецъ Янъ не въ силахъ былъ воспомнить этого пробѣла; одинъ Игорь, какъ, по всей вѣроятности, самый младшій, послѣдній, какъ наслѣдникъ престола, нашелъ мѣсто и въ памяти Яна, и въ лѣтописи Нестора. Во всякомъ случаѣ, свидѣтельство отрывка Якимовскаго о существованіи дѣтей Рюриковыхъ, кромѣ Игоря, гораздо согласнѣе съ условіями тогдашняго времени, съ возрастомъ и способностями Рюрика, чѣмъ выводъ объ отсутствіи дѣтей, основанный единственно на ничего недоказывающемъ молчаніи лѣтописца Кіевскаго. То же должно замѣтить и о намекѣ на многоженство: оно было въ ходу въ языческую эпоху на Руси и по свидѣтельству Нестора, и извѣстіе отрывка только восполняетъ пропускъ послѣдняго. Несторъ ни слова не говоритъ объ Ефандѣ, любимой женѣ Рюрика, матери Игоря, о которой такъ положительно гласитъ лѣтопись Якимовская; но

---

131. Степенн. Кн., 1775, I, 7.

132. Ист. Гос. Росс., I, прим. 291.

Несторъ ни слова не говоритъ и о другой матери Игоря, и о какой либо женѣ Рюрика, какъ не упоминаетъ онъ и въ болѣе близкую себѣ эпоху, въ числѣ женъ Владиміра, о Мальфридѣ, которая была ему извѣстна, какъ видно изъ неопредѣленно приведеннаго имъ извѣстія о годѣ ея смерти[133]. Такимъ образомъ и тутъ не представляетъ достовѣрный Несторъ ни малѣйшаго опроверженія отрывку. Вполнѣ согласно съ древнѣйшимъ характеромъ обезпеченія женъ и вѣно Ижора, будто данное Ефандѣ Рюрикомъ. Вспомнимъ законъ древне-Русскій, приводимый Несторомъ: «не хожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечеръ, а заоутра приношаху по ней *что вдадуче»*[134], и сравнимъ его съ отдачею въ вѣно: за царевну Анну ея братьямъ Корсуня Владиміромъ, или Ярославомъ I той же Ижоры супругѣ своей Ингегердѣ[135], и мы не найдемъ ничего несообразнаго въ распоряженіи Рюрика относительно Ефанды, какъ повѣствуетъ о томъ отрывокъ. Наконецъ, лѣтопись Якимовская опредѣляетъ и родство Рюрика съ Олегомъ, называя послѣдняго шуриномъ первому, слѣдовательно братомъ жены Рюриковой и дядею Игорю. Несторъ своимъ краткимъ выраженіемъ: «умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, *отъ роду ему суща*[136], указалъ только вообще на родство, не опредѣливъ вовсе степени этого родства. Хотя и въ такомъ видѣ лѣтописецъ Кіевопечерскій не высказываетъ противорѣчія отрывку и, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, мы спокойно могли бы допустить возможность опредѣленнаго родства послѣднимъ; но эти доказательства существуютъ и имѣютъ столько силы, чтобы возвести возможность на степень вѣроятности, а въ глазахъ людей непредубѣжденныхъ противъ отрывка, даже и на степень достовѣрности. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Татищева[137], въ спискѣ Раскольничьемъ, Олегъ именуется *вуемъ* Игорю. Слово *вуй*, въ древнемъ Русскомъ языкѣ, какъ теперь въ Польскомъ (wuj), Чешскомъ (uj), въ Сербскомъ (ујак),

---

133. Лаврент. подъ 6508 годомъ.
134. Тамъ же, стр. 6.
135. Татищ., Ист. Росс., I, 47, прим. 28.
136. Лаврент., стр. 9.
137. Татищ., Ист. Росс., II, 366, прим. 61.

означаетъ дядю съ матерней стороны, т. е. роднаго брата матери, подобно тому, какъ *стрый* древне-Русское, stryj Польское, stry̌c Чешское, стриц Сербское, означало всегда роднаго брата отца, слѣдовательно дядю съ отцовой стороны. Такъ Добрыня, какъ братъ Малуши, матери Владиміра, именуется въ лѣтописи Несторовой вуемъ послѣднему [138]; такъ Ярославъ Ярославичъ, братъ Александра Невскаго, называется *стрыемъ* Димитрію Александровичу [139]. Такимъ образомъ и *вуй* Игоревъ, по списку Раскольничьему, долженъ быть братъ матери, т. е. жены Рюрика, слѣдовательно шуринъ послѣдняго, какъ и названъ Олегъ въ отрывкѣ Якимовскомъ. Оба эти слова: *вуй* и *стрый*, довольно давно вышли изъ употребленія на Руси, замѣнившись общимъ выраженіемъ: *дядя*, безъ всякаго различія съ отцовой или матерней стороны. Отсюда понятно, почему въ спискахъ позднѣйшихъ, еще болѣе въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ, вмѣсто *вуй* или *стрый* мы встрѣчаемъ просто *дядя*. Такъ названъ Олегъ относительно Игоря и въ Прологѣ, въ Житіи св. Ольги. Не даромъ и въ новыхъ историческихъ повѣстяхъ [140] Олегъ слыветъ *племянникомъ* Рюрика, что, безъ всякаго сомнѣнія, произошло отъ смѣшенія именъ Рюрика, Игоря и Олега; между тѣмъ степень родства, *дядьство*, осталось и въ нихъ неизмѣннымъ [141]. Подобно лѣтописи Несторовой, и отрывокъ Якимовскій, между княженіемъ Рюрика и Олега, передаетъ разсказъ объ Аскольдѣ, только объ одномъ, безъ всякаго упоминанія о Дирѣ. Этотъ разсказъ, по главному своему содержанію, не представляетъ ни малѣйшаго отступленія отъ Нестора. Какъ у послѣдняго, такъ и здѣсь, Аскольдъ отправляется на югъ Рюрикомъ, утверждается въ Кіевѣ, побѣждаетъ Козаръ, идетъ на Царьградъ, терпитъ кораблекрушеніе и съ неудачею возвращается въ свои владѣнія. Далѣе объ немъ нѣтъ ни слова, какъ и у Нестора, до тѣхъ до тѣхъ поръ, пока не является передъ Кіевомъ съ Игоремъ

---

138. Бѣ Добрына *уй* Володимеру. Лаврент. 29.

139. Димитрій отвѣчалъ Новгородцамъ, призывавшимъ его занять престолъ изгнаннаго Ярослава: не хочѣ взяти стола передъ *стрыемъ* своимъ. Новгор. лѣт. I, 61.

140. Древн. Росс. Вивл. XVI, 53.

141. Сравн. Ист. Гос. Рос., I, 382, прим. 291.

Олегъ, по приказанію котораго и убивается Аскольдъ. Но за то есть особенности въ частностяхъ, которыя, будучи важны для исторіи, еще болѣе имѣютъ важности для вопроса главнаго — опредѣленія достовѣрности лѣтописи Якимовской. На этихъ-то особенностяхъ мы и остановимся.

По свидѣтельству отрывка Якимовскаго: 1) Сами жители по-Днѣпровскіе, въ слѣдствіе утѣсненій отъ Козаръ, изнурявшихъ ихъ тяжкими данями и работами, обратились съ просьбою къ Рюрику прислать кого-либо княжить надъ ними. По Нестору, сами Аскольдъ и Диръ отпросились у Рюрика въ Царьградъ и въ походѣ овладѣли Кіевомъ. Такое, на первый взглядъ, кажущееся противорѣчіе исчезаетъ при внимательномъ разборѣ этого обстоятельства. Тотъ же Несторъ подтверждаетъ, что Кіевляне дѣйствительно платили дань Козарамъ, не забывши притомъ прежней своей независимости; и что же неестественнаго, если они, подобно сѣверному союзу, по тѣмъ же побужденіямъ призвавшему къ себѣ въ правители чужеземца, обратились также съ просьбою освободить ихъ отъ наложеннаго на нихъ ига къ государю новой сѣверной державы? Тѣмъ скорѣе должны были воспользоваться данники Козарскіе примѣромъ Славянъ Новгородскихъ, Чуди, Кривичей и др., чѣмъ очевиднѣе представлялись имъ всѣ благодѣтельныя выгоды совершившагося на сѣверѣ переворота, въ слѣдствіе призванія Варяго-Руссовъ; этимъ примѣромъ легко объясняется и то, что, по отрывку Якимовскому, жители при-Днѣпровскіе обратились къ тому, кто былъ виною этого переворота — къ Рюрику. Не даромъ у Нестора рисуется занятіе Аскольдомъ и Диромъ Кіева столь тихимъ, безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны жителей, чего не могло быть, если бы они пришли завоевателями: «и поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и усрѣста на горѣ градокъ и упрашаста, рѣста: чій се градокъ? они же рѣша: была суть 3 братья Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ, платяче дань родомъ ихъ Козаромъ. Оскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ и многи Варяги скуписта, и начаста владѣти Польскою землею.» Изъ этихъ словъ скорѣе видно, что иноплеменники явились друзьями, или помощниками; у нихъ даже не замѣтно и большой дружины, необходи-

гелія, совершенномъ отправленнымъ изъ Византіи епископомъ. Не мудрено, что, при столь очевидныхъ свидѣтельствахъ, и самые строгіе послѣдователи Нестора, вѣрующіе только тому, что сказано имъ, не рѣшались отвергнуть крещенія Аскольда, какъ дерзнули не обратить вниманія и на слова Шлецера, не меньшаго для нихъ авторитета, выразившагося объ этомъ крещеніи такъ: «какъ будто онъ (Аскольдъ) былъ когда нибудь крещенъ»[149]. Онъ, равно и его приближенные, были крещены, на что, кромѣ неоспоримыхъ показаній Византійцевъ, находимъ намекъ и въ самомъ Несторѣ: «и убиша Аскольда, говоритъ лѣтописецъ Кіевскій, ... и погребоша и на горѣ, гдѣ нынѣ (въ концѣ XI вѣка) Олъминъ дворъ, на той могилѣ поставилъ Олъма церковь святаго Николу»: объ этой церкви, на могилѣ Аскольда, говоритъ и отрывокъ лѣтописи Якимовской[150]. Слишкомъ надобно быть пристрастнымъ и предубѣжденнымъ, чтобы не вывести изъ этихъ словъ заключенія такого, какое одно только и можетъ быть выведено, т. е., что Аскольдъ умеръ христіаниномъ и, по всей вѣроятности, съ христіанскимъ именемъ Николая[151]. Надъ прахомъ язычниковъ никогда церквей не ставили, тѣмъ болѣе такъ скоро по смерти язычника, какъ поставлена церковь Николая надъ Аскольдомъ; она уже, какъ видно изъ словъ Нестора, не существовала въ его время, во второй половинѣ XI столѣтія, и слѣдовательно была построена никакъ не позже половины X столѣтія, когда жива еще была память о правителѣ Кіевскомъ. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ болѣе объ Ольмѣ, и слѣдовательно не можемъ точнѣе опредѣлить времени постройки церкви: быть можетъ, онъ былъ и современникомъ Аскольду. Это обстоятельство объясняетъ вполнѣ и эпитетъ Аскольда въ отрывкѣ Якимовскомъ — *блаженный:* «блаженный же Аскольдъ преданъ Кіевляны и убіенъ бысть», какъ послѣдній, съ своей стороны, служитъ еще большимъ доказательствомъ главнаго вопроса о его крещеніи. Дѣй-

---

149. Шлец. Нест. II, 201.

150. ...и погребенъ на горѣ, идѣже *стояла* церковь св. Николая. Татищ. I, 35.

151. У насъ точно существовалъ обычай созидать церкви надъ могилами князей въ честь святыхъ, *имъ соименныхъ*. Макар., Ист. Христ., 284.

ствительно, сравнимъ княгиню Ольгу, эту денницу христіанства предъ восходящимъ солнцемъ, и князя Владиміра, самое его солнце, причисленныхъ къ лику святыхъ, и мы не будемъ видѣть ничего страннаго въ названіи Аскольда *блаженнымъ*, потому что и онъ, при совершенной увѣренности въ его христіанствѣ, можетъ быть справедливо почтенъ первымъ проблескомъ наступающей денницы. 4) Послѣ всего сказаннаго о христіанствѣ Аскольда, не должны показаться подозрительными и слова отрывка Якимовскаго о причинѣ занятія Кіева Олегомъ: «Олегъ бѣ мужъ мудрый и воинъ храбрый», говоритъ этотъ отрывокъ, слыша отъ Кіевлянъ жалобы на Аскольда и позавидовавъ области его, веземъ Игоря, иде съ воиски ко Кіеву.» Для язычниковъ Кіевлянъ не могло быть пріятнымъ обращеніе ихъ правителя къ христіанству, что, конечно, должно было грозить и ихъ язычеству, — и они рѣшились прибѣгнуть снова къ владѣтелю сѣверному, твердо державшемуся вѣры праотцевъ. Подобный ходъ дѣлъ такъ естественъ, такъ обыкновененъ въ исторіи, особенно народовъ Славянскихъ, что сомнѣваться въ призывѣ, именно по этой причинѣ, Олега Кіевлянами было бы крайне непослѣдовательно. Вспомнимъ возстаніе бояръ и народа, въ то же самое время, въ Болгаріи, противъ своего князя Бориса, принявшаго, вопреки ихъ желанію, вѣру христіанскую, и усилія, съ какими послѣдній могъ потушить это возстаніе; вспомнимъ еще болѣе рѣзкій примѣръ изъ исторіи Славянъ при-Балтійскихъ, неоднократно возмущавшихся противъ своихъ князей и изгонявшихъ ихъ единственно за привязанность къ христіанству[152], — и мы не будемъ удивляться неудовольствію Кіевлянъ на Христіанина Аскольда, выразившемуся въ обращеніи къ язычнику Олегу. Не это ли неудовольствіе единственно и можетъ служить поясненіемъ легкости, съ какою утвердился послѣдній въ Кіевѣ? а между тѣмъ взять его силою было не легко, какъ ясно и изъ приготовленія его къ походу: какъ осторожный человѣкъ, онъ, видно, не вполнѣ надѣялся на состоявшееся рѣшеніе жителей Кіевскихъ передать ему правителя и городъ, а потому и отправился, «поимъ вои многи: Варяги,

---

152. Слав. древн., т. II, кн. I, 298; тамъ же, кн. III, § 43.

Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи.» Сравненіе съ временемъ св. Владиміра, котораго повелѣнію такъ покорно повиновались тѣже Кіевляне, едва ли будетъ умѣстно и справедливо: въ его время христіанство въ Кіевѣ было уже не новость; тамъ стояла уже давно и церковь соборная, упоминаемая въ договорѣ съ Греками Игоря[153], тамъ жила уже и скончалась христіанкой св. Ольга, тамъ былъ и пресвитеръ, и немало христіанъ; такимъ образомъ все было уже приготовлено къ тому спасительному перевороту, орудіемъ котораго избранъ былъ Провидѣніемъ Владиміръ. Аскольдъ же, сколько извѣстно, былъ первымъ, рѣшившимся сбросить оковы язычества. 5) Но кто же такой Михаилъ, и почему отправился онъ въ Болгарію? По свидѣтельству тѣхъ же писателей Византійскихъ, для крещенія Руссовъ отправленъ былъ епископъ; не назывался ли онъ Михаилъ? Византійцы молчатъ объ имени; за то подъ именемъ Михаила извѣстенъ этотъ епископъ въ сочиненіяхъ отечественныхъ: съ этимъ именемъ изображается онъ въ Кормчей книгѣ, въ предисловіи къ Патерику Печерскому и въ Чети-Минеи[154]; это же имя нашелъ Татищевъ *въ нѣкоторыхъ древнихъ* Русскихъ спискахъ[155]; и почему же не вѣрить, послѣ этого, показанію отрывка Якимовскаго, когда это показаніе такъ согласно со свидѣтельствами, давнымъ давно принятыми Церковью Русскою? Исполнивши своѐ назначеніе въ Кіевѣ, епископъ Михаилъ удалился въ Болгарію, заключаетъ отрывокъ; а это заключеніе ведетъ къ другому, вполнѣ согласному съ характеромъ проповѣди Византійцевъ, къ Болгарскому происхожденію самого епископа. Нѣтъ и не было для Византійцевъ ничего естественнѣе, какъ отправить къ народу, для просвѣщенія его въ христіанской религіи, пастыря, который могъ бы передать истины евангельскія языкомъ этого народа; а Болгарія была уже крещена; въ ней была уже своя іерархія, подчиненная, въ то время, патріарху Константинопольскому: отсюда, безъ сомнѣнія, и былъ посланъ патріархомъ епископъ, знакомый съ языкомъ Славянскимъ, какъ съ своимъ роднымъ, подобно

153. Лаврент., стр. 22.

154. Макар. Ист. Хр., 285.

155. Истор. Росс. Татищ., II, 364, прим. 56.

тому, какъ и къ другимъ Славянамъ назначены были изъ Византіи для проповѣди люди, искусные въ языкѣ Славянскомъ. Но мы на этомъ остановимся еще долѣе въ другомъ мѣстѣ.

Изъ княженія Олега[156] и Игоря, описаннаго въ отрывкѣ весьма кратко, останавливаютъ на себѣ вниманіе, сравнительно съ лѣтописью Нестора, двѣ особенности: бракъ Игоря съ Ольгою и его многоженство. Вотъ какъ описываетъ лѣтопись Якимовская первый: «егда Ингоръ возмужа, ожени его Олегъ, поятъ за него жену *отъ Изборска, рода Гостомыслова*, иже Прекраса нарицашеся, а Олегъ преименова ю и нарече въ свое имя имя Олгою.» У Нестора читаемъ объ этомъ короче и съ отличіемъ: «Игорю возрастшу и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша жену ему отъ Плескова именемъ Ольгу.» Такимъ образомъ, все различіе состоитъ только въ мѣстѣ, откуда приведена Ольга, потому что о происхожденіи ея, равно и о прежнемъ названіи нѣтъ ни слова у Нестора. О Псковѣ, будто бы родинѣ великой княгини Ольги, кромѣ Несторовой лѣтописи, въ различныхъ ея спискахъ, нигдѣ болѣе не говорится; напротивъ, извѣстіе Якимовскаго отрывка подтверждается другими памятниками, правда, позднѣйшими, тѣмъ не менѣе не неважными, особенно для вопроса объ Ольгѣ, какъ признанной нашею Церковью за святую, — памятники эти относятся именно къ церковнымъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Степенная Книга[157]: «Ольгу произведе Плесковьская страна, иже отъ области царствія великія Русскія земли, отъ веси именуемыя Выбутская, близь предѣлъ Нѣмечскія власти жителей, отъ языка Варяжскаго, отъ рода же не княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей.... *еще бо граду Пскову не сущу*, но бяше тогда начальный градъ въ странѣ той, зовомый *Изборскъ*.» Согласно съ показаніемъ Степенной Книги говорятъ объ этомъ предметѣ и Службы[158]; и въ нихъ повторяется, что Ольга родилась въ

---

156. О названіи Олега княземъ Урмянскимъ см. Соловьева Ист. Росс., I, прим. 187.

157. I, 6. Достоинство Степ. Книгъ, какъ важнаго матеріала для исторіи отечественной, ясно указано въ сочиненіи барона Розенкампфа: Обозрѣніе Кормчей Книги, примѣч. къ введенію, стр. 5.

158. Опис. рукоп. Рум. Муз. № CCCXCVII, стр. 601

Плесковьской странѣ в вьси, зовомыя Выбуто, — и вслѣдъ за этимъ передается разсказъ, какъ мудрая жена содѣйствовала построенію Пскова, о чемъ подробно говорится въ Книгѣ Степенной[159]. Изъ обоихъ приведенныхъ свидѣтельствъ видимъ, что Пскова до Ольги еще не было, что построеніемъ своимъ обязанъ онъ ей. И дѣйствительно, ни въ одномъ спискѣ лѣтописей не упоминается о Псковѣ въ первое время государства Русскаго, какъ на примѣръ о Кіевѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ, Изборскѣ и другихъ; въ первый разъ сказано о немъ при бракѣ Игоря, подъ 6411 годомъ, и это обстоятельство единственно служило поводомъ лѣтописцу Псковскому утверждать о древнѣйшемъ существованіи Пскова. Вотъ слова лѣтописца[160]: «а о Плесковѣ градѣ въ лѣтописаніи не обрѣтается воспомянуто, отъ кого созданъ бысть, и которыми людьми, токмо *увѣдѣхомъ*, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Славяне княжити.» Откуда же узналъ онъ объ этомъ? — «понеже, продолжаетъ лѣтописецъ, повѣдаетъ, яко Игорь Рюриковичъ поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова. Но былъ ли справедливъ тотъ, кто повѣдалъ, что Ольга была взята отъ Плескова, и такъ ли понималъ онъ это выраженіе, какъ понималъ его Псковичъ, какъ понимаютъ нѣкоторые и теперь? Основываясь на томъ, что никто не говоритъ о построеніи Пскова до Ольги, что его нѣтъ въ ряду городовъ древнѣйшихъ, приводимыхъ Несторомъ, что, наконецъ, есть свидѣтельства о построеніи его Ольгою, мы считаемъ себя въ правѣ или признать выраженіе лѣтописца Кіевскаго: «*отъ Плескова*» неточнымъ, заимствованнымъ уже отъ его времени, въ которое былъ Псковъ, если онъ понималъ подъ этимъ выраженіемъ названіе города, или разумѣть подъ *Плесковомъ* названіе озера и вмѣстѣ страны окружной, такъ точно, какъ еще и въ наше время озеро, при которомъ стоитъ Псковъ, слыветъ Псковскимъ. Тогда не будетъ никакого противорѣчія и свидѣ-

---

159. Стр. 30. То же говорится и въ Минеѣ, въ житіи св. Ольги, 11 іюля: «родися Олга въ области Псковской, въ веси Выбутовской яже нынѣ есть близь Пскова: *града же оного тогда не бѣ.*» Сравн. Татищ. Ист. II, 372, прим. 76.

160. Псковск. лѣт. I, подъ 6370 годомъ.

тельству Степенной Книги и Службъ, равно указывающихъ на Плесковскую страну, какъ на родину Ольги, хотя и повѣствующихъ о построеніи ею Пскова. Замѣчаніе отрывка Якимовскаго, что Олегъ взялъ жену для Игоря отъ Изборска, заимствовано отъ главнаго города страны Плесковской, которымъ былъ онъ и по Нестору, и по Степенной Книгѣ *). Во всякомъ случаѣ, совершенно нѣтъ достаточнаго основанія видѣть въ немъ противорѣчіе Нестору. — Что касается до второй особенности, до многоженства Игоря, то, не находя нигдѣ прямаго подтвержденія сему указанію, мы должны ограничиться общимъ замѣчаніемъ объ обычаѣ многоженства у язычниковъ-Руссовъ, высказаннымъ уже выше, и напомнить, что и Несторъ нигдѣ не говоритъ, чтобы Игорь имѣлъ одну жену. — Обращаюсь къ княженію Ольги. Оно, по изданію Татищевымъ отрывка Якимовскаго, заключаетъ въ себѣ два событія: одно, изложенное весьма кратко — о мщеніи Ольгою Древлянамъ; другое — о принятіи ею христіанства. Въ первомъ, какъ отличіе отъ Нестора, встрѣчаемъ названіе отца Древлянскаго князя, Мала, просившаго руки Ольги: Древлянскій князь Малъ, *сынъ Нискининъ*, читаемъ въ отрывкѣ. Неужели и эта прибавка должна быть заподозрѣна именно потому, что ея нѣтъ въ лѣтописи Кіевской? а между тѣмъ оно занимаетъ такое же мѣсто и въ хроникахъ Польскихъ, и притомъ не XVI только столѣтія, а и XV. Такъ у Длугоша находимъ Мискину, у Бѣльскаго Нискину, у Стрыйковскаго Нискиню[161]. Изъ предложенныхъ выше замѣчаній о лѣтописцахъ Польскихъ мы смѣло можемъ сдѣлать заключеніе, что уже и въ спискахъ Русскихъ лѣтописей XV вѣка имя Нискина, отца Малова, было общеизвѣстнымъ, и такимъ образомъ отрывокъ Якимовскій можетъ служить, въ этомъ случаѣ, лишь

---

*) Не забудемъ, что, по свидѣтельству Татищева, и Раскольничій списокъ называетъ *Изборскъ* мѣстомъ, откуда приведена Ольга. Ист. Росс. II, 372, примѣч. 76.

161. ....qui missis ad suam relictam Olham nunciis, quatenus ducem eorum *Miskinam* virum acciperet. Dlug., lib. I, 49. A gdy dań wielką na ludzie ustawił, zabili go Drewlanie, a posłali do jego żony Olhy, jeśli by chciała iść za ich xiążę Niskina. Bielsk. I, 127 — 128. ....aby za ich xiążę Drewlanskie Niskinię, a według niektórych Maldita w małżeński stan poszła. Stryjk. I, 118.

однимъ пополненіемъ пропуска Нестора, и ни въ какомъ случаѣ противорѣчіемъ. Гораздо важнѣе отличіе отрывка Якимовскаго отъ извѣстій Несторовыхъ въ обращеніи Ольги къ христіанству. Вотъ эти отличія: 1) отрывокъ утверждаетъ, что супруга Игоря научена была вѣрѣ Христовой *еще въ Кіевѣ отъ бывшихъ тамъ священниковъ*, и 2) не крестилась въ отечествѣ *изъ боязни народа*, — эта боязнь была побужденіемъ и ея поѣздки въ Константинополь для крещенія. Что касается до возможности ознакомленія Ольги съ истинами христіанства въ Кіевѣ, то едва ли кто, знакомый и съ одною лѣтописью Нестора, рѣшится въ ней сомнѣваться. Въ Кіевѣ довольно было Христіанъ уже во время Игоря; въ его время была уже тамъ и соборная церковь св. Иліи, и вмѣстѣ съ нею, конечно, были и духовные; послѣдніе были тѣмъ необходимѣе, чѣмъ менѣе допускалось стѣсненіе въ отправленіи обрядовъ церковныхъ тогдашнимъ христіанамъ; а, какъ видно изъ договора Игорева, эти христіане вполнѣ свободно совершали клятву въ соборной церкви и, разумѣется, не только не безъ вѣдома князя-язычника, но, безъ всякаго сомнѣнія, и по его приказанію: «мы же елико насъ крестилися есмы кляхомъся церковью святаго Ильѣ, въ съборнѣй церкви и предлежащимъ честнымъ крестомъ»[162]. При такомъ ходѣ дѣлъ, весьма естественно сближеніе Ольги съ какимъ либо изъ духовныхъ пастырей Кіевскихъ. Но мы имѣемъ положительное извѣстіе, что она дѣйствительно имѣла при себѣ священника Григорія, который сопровождалъ ее и въ Константинополь, и который очевидно, при главной цѣли поѣздки для крещенія, не могъ быть простымъ спутникомъ, а скорѣе учителемъ, наставникомъ въ христіанствѣ, избраннымъ *мудрою женою*, навѣрно, задолго еще до ея поѣздки, совершенной, по всей вѣроятности, не безъ содѣйствія Григорія[163]. И такъ, первое замѣчаніе отрывка Якимовскаго находитъ подтвержденіе и вообще въ состояніи христіанства въ Кіевѣ, во время Ольги, и въ прямомъ

162. Лаврент., 22.

163. Константинъ Багрянородный, De cerimin., II, 15, p. 597, Bon., два раза упоминаетъ о немъ, подъ именемъ ὁ παπας Γρηγόριος. О значеніи παπᾶς — священника и о различіи отъ πάπας — епископа см. Макар. Ист. Хр. въ Росс., 304, прим. 601.

указанія достовѣрнѣйшаго источника, вышедшаго изъ подъ пера современника и очевидца, какимъ былъ Константинъ Багрянородный. Но боязнь ли, въ самомъ дѣлѣ, разъяреннаго народа была причиною поѣздки Ольги въ Константинополь? Вотъ особенность отрывка Якимовскаго, казавшаяся и самымъ беспристрастнымъ къ нему изслѣдователямъ несообразною и съ состояніемъ во время Ольги христіанъ въ Кіевѣ, и съ ея собственнымъ положеніемъ въ государствѣ. Говорятъ: могла ли опасаться народа супруга великаго князя, когда въ ея правленіе даже простые жители имѣли храмы и пастырей; тѣмъ болѣе, могла ли ожидать она опасности, когда кормило правленія перешло въ ея руки, по смерти князя[164]? На это мы можемъ замѣтить слѣдующее: вѣротерпимость Игоря къ простому народу, очевидная изъ очертанія его княженія Несторомъ, не можетъ еще служить ручательствомъ въ вѣротерпимости его и къ своей супругѣ, тѣмъ менѣе можетъ ручаться въ терпимости народа, остававшагося вѣрнымъ язычеству какъ при Игорѣ, такъ, еще болѣе, послѣ него. Несомнѣнно, что въ VIII вѣкѣ, въ Болгаріи, было много христіанъ изъ простаго народа, и нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ, что они преслѣдовались правительствомъ; однако Воинъ долженъ былъ погибнуть отъ руки своего брата, князя Болгарскаго, Маломіра, за то, что вздумалъ держаться ученія христіанскаго[165]. Еще болѣе было христіанъ между Болгарами въ половинѣ IX столѣтія, и, при всемъ томъ, князь Богорисъ могъ утвердить христіанство въ своемъ царствѣ только послѣ жестокаго наказанія мятежниковъ-язычниковъ, возставшихъ противъ его нововведенія. Изъ этихъ примѣровъ видно, что народъ болѣе всего опасался обращенія правителей, или членовъ царскаго семейства, предвидя въ этомъ вѣрную и скорую погибель язычества, и могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ частныхъ, мелкихъ отъ него уклоненій. Согласно съ этимъ и Ольга, при всей терпимости своего мужа къ простымъ жителямъ, могла не найти этой терпимости за себя лично и еще менѣе должна была встрѣтить ее въ народѣ, когда сама

---

164. Ист. Христ. Макар., 305.

165. Сравн. Слав. Сборн. Савельева-Ростиславича, 51 — 52.

сдѣлалась главою государства. Не думая вовсе отвергать мнѣнія, что побужденіемъ Ольги креститься въ Царьградѣ было желаніе *почерпнуть новый свѣтъ въ самомъ его источникѣ*[166], что между прочимъ объясняется и возможностію, безъ этого желанія, креститься въ ближайшемъ христіанскомъ городѣ Херсонѣ[167], мы все таки полагаемъ, что этимъ ни мало не исключатеся и боязнь народа, что вмѣстѣ съ желаніемъ первымъ могло быть и желаніе избѣгнуть если не опасности, то непріятности, которой ожидать было весьма естественно. И если желаніе почерпнуть новый свѣтъ въ его источникѣ остается предположеніемъ хотя и вѣроятнѣйшимъ, то послѣднее имѣетъ подкрѣпленіе въ самомъ Несторѣ. По его словамъ, Ольга такъ говорила патріарху, прося его благословенія на отъѣздъ въ отечество: «людье мои погани и сынъ мой, *дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякаго зла*»[168]. Значитъ, зло было возможно, по признанію самой Ольги; по тому же признанію видно, что это зло могло произойти только отъ язычества подданныхъ и Святослава, и Ольга-христіанка боялась его. Послѣ этого нѣтъ основанія недовѣрять словамъ Татищева, что эту же причину нашелъ онъ въ манускриптѣ Симона епископа, бывшаго у Волынскаго[169]. Возвратившись въ отечество, продолжаетъ отрывокъ Якимовскій, св. Ольга устроила деревянную церковь св. Софіи въ Кіевѣ и украсила ее иконами, данными ей отъ патріарха. Ничего подобнаго не видно у Нестора, а между тѣмъ едва ли можно сомнѣваться въ дѣйствительности этого показанія, сообразивши другія показанія. Соборная церковь св. Софіи, въ Кіевѣ, построена Ярославомъ I не ранѣе 1037 года, потому что еще въ 1036 году, по словамъ Нестора, на томъ мѣстѣ, гдѣ построена она, происходила битва съ Печенѣгами[170]; никто не говоритъ, что св. Владиміръ основалъ подобную церковь въ

---

166. Ист. Гос. Росс. Карамз., I, 166.

167. Макар., тамъ же, 305.

168. Лаврент., 26.

169. Татищ., Ист. Росс., II, 390, прим. 130.

170. ....сташа предъ градомъ, Печенѣзи приступати начаша, и сступишася на мѣстѣ, идѣже стоить *нынѣ* св. Софья, митрополья Руськая; бѣ бо тогда поле внѣ града. Лаврент., 65.

Кіевѣ; а между тѣмъ западный лѣтописецъ, Дитмаръ, въ числѣ церквей, сгорѣвшихъ тамъ въ 1017 году, упоминаетъ именно о церкви св. Софіи. Онъ же подъ 1018 годомъ говоритъ о встрѣчѣ Польскаго короля, Болеслава, архіепископомъ Кіевскимъ въ монастырѣ св. Софіи[171]. Не менѣе важно указаніе на построеніе Ольгою св. Софіи, и въ лѣтописи Никоновой, по которой село Будутино, мѣсто рожденія Владиміра, было отдано Ольгою, при смерти, *святой Богородицѣ*[172]; а св. Богородицею называлась у насъ послѣ именно Софійская церковь въ Кіевѣ, равно какъ и въ Новгородѣ, и другія, посвященныя Богоматери[173]. Такимъ образомъ, и въ построеніи церкви св. Софіи лѣтопись Якимовская опредѣлительно говоритъ о томъ, что не такъ точно, хотя и довольно положительно, утверждаютъ другіе достовѣрные источники. Объ иконахъ, подаренныхъ Ольгѣ патріархомъ, нѣтъ нужды и распространяться: подобный подарокъ отъ представителя православія новокрещеной княгинѣ, отправлявшейся въ страну язычниковъ, такъ понятенъ и такъ естественъ, что трудно и ожидать другаго; и равноапостольный Владиміръ, возвращаясь послѣ крещенія изъ Корсуня, *поима съсуды церковныя, иконы на благословенье себѣ*[174]. — Въ описаніи княженія Святослава, лѣтопись Якимовская болѣе всего отдѣляется отъ сказанія Нестора, представляя изъ великаго князя грознаго гонителя поборниковъ новаго ученія. Изображеніемъ его преслѣдованія христіанъ почти и ограничивается все описаніе: краткія извѣстія, въ видѣ намековъ, изъ военной жизни Святослава ни въ чемъ не отличаются отъ извѣстій, включенныхъ въ несомнѣнно достовѣрныя лѣтописи. Вотъ факты, ха-

---

171. Archiepiscopus civitatis illius (Kitavae) cum reliquiis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sancto monasterio Sophiae, quod in priori anno miserabiliter casu accidente combustum est. Pertz, t. V, 870. О пожарѣ въ 1017 году говоритъ и Несторъ: Ярославъ иде въ Кыевъ и погорѣша церкви. Лавр., 62.

172. Никон. лѣт. I, 54, подъ 970 годомъ: и бѣ рожденіе Володимеру в Будутине вѣси; тамо бо в гнѣве отслала ея Олга: село бо бяше ея тамо, и умираючи даде его святеи Богородицы.

173. Макар., Ист. Христ., 324.

174. Лаврент., 50.

рактеризующіе княженіе Святослава, какъ время гоненія на христіанъ: 1) что Святославъ *ни слышати хотя* увѣщаній матери, *а отъ вельможъ и смерть мнози пріяша и вельми отъ невѣрныхъ ругаемы бяху;* 2) когда большая часть войска Святославова погибла въ походѣ за Дунай, *тогда діаволъ возмяше сердца вельможъ нечестивыхъ; начаша клеветати на христіаны, сущіе въ воинствѣ, якобы сіе паденіе вой приключилось отъ прогнѣванія лжебоговъ ихъ христіанами, онъ же толико разсвирѣпѣ, яко и единаго брата своего Глѣба не пощаде, но разными муками томя убиваше. Они же съ радостію на мученіе идяху, а вѣры Христовой отрещися и идоломъ поклонитися не хотяху; съ веселіемъ вѣнецъ мученія пріимаху; онъ же, видя ихъ непокореніе, наипаче на пресвитеры яряся, якобы тіи чарованіемъ нѣкимъ людямъ отвращаютъ и въ вѣрѣ ихъ утверждаютъ; посла въ Кіевъ повелѣ храмы христіанъ разорити и сожещи и самъ вскорѣ пойде, хотя вся христіаны изгубити.* Изъ всего этого видно: a) что при жизни матери Святославъ извѣстенъ только какъ ослушникъ просьбамъ ея принять христіанство, тогда какъ его вельможи позволяли себѣ издѣваться надъ христіанами и даже лишать многихъ изъ нихъ жизни; b) что, по смерти матери, при обвиненіи язычниками въ погибели войска за Дунаемъ христіанъ, Святославъ самъ сдѣлался страшнымъ ихъ преслѣдователемъ, и, вмѣстѣ съ другими, погубилъ и своего брата Глѣба. Первое еще съ большею рѣзкостью подтверждается и Несторомъ: «*не брежаше того* (ученія Ольги) *ни во уши приимати*», говоритъ онъ о Святославѣ, «*и аще кто хотяше креститися.... ругахуся тому*»[175], разумѣется, онъ самъ и его приближенные — язычники. Осмѣяніе христіанъ дружиною княжескою изображается у Нестора и какъ причина, по которой Святославъ не рѣшался исполнить совѣтовъ и просьбъ матери: *како азъ хочю инъ законъ пріяти одинъ? а дружина сему смѣятися начнуть*[176]. Это выраженіе довольно ярко характеризуетъ съ одной стороны непріязнь дружины къ христіанству, а съ другой — ея силу и значеніе: самъ князь, значитъ, не могъ из-

---

175. Тамъ же, 27.

176. Тамъ же.

бѣжать насмѣшекъ, и онъ самъ рѣшается лучше отвергнуть увѣщанія мудрой матери, чѣмъ подвергнуться имъ. Что же послѣ этого неестественнаго, если эта дружина, могшая смѣяться надъ самимъ княземъ за христіанство, производила иногда насилія, убійства надъ простыми жителями христіанами? Тѣмъ безнаказаннѣе могли совершаться подобныя насилія, что и самъ Святославъ ни въ чемъ не обнаружилъ своей привязанности къ новой вѣрѣ; напротивъ, онъ выражалъ неоднократно *гнѣвъ* свой и на матерь, по замѣчанію Нестора: *се же к тому гнѣвашеся на матерь*[177]. Это замѣчаніе служитъ достатотнымъ оправданіемъ и словъ лѣтописца Никоновскаго, по которому Ольга *бѣ имущи презвитера втайне*[178], слѣдовательно, чувствовала стѣсненіе отъ сына въ отправленіи обрядовъ церкви христіанской. При такомъ настроеніи Святослава уже при жизни матери, не требовалось большаго труда, по ея смерти, грубой и дерзкой дружинѣ возбудить своего князя къ явному преслѣдованію христіанъ; тѣмъ легче могла удаться ей эта попытка, что, по лѣтописи Якимовской, избрала она средствомъ для этого возбужденія неудачный походъ за Дунай, который былъ такъ близокъ къ воинственному и привыкшему къ однѣмъ побѣдамъ сердцу Святослава. Недостатка христіанъ въ войскѣ быть не могло, какъ вообще по обилію ихъ уже въ то время на Руси, такъ еще ближе и потому, что договоръ съ Греками прямо упоминаетъ о клятвѣ въ истиннаго Бога, которой не приносили язычники: для послѣднихъ оставался Перунъ и Волосъ, упоминаемые также въ договорѣ[179]. Существованіе въ Кіевѣ церквей, которыя думалъ разорить и сжечь Святославъ, очевидно изъ того, что сказано нами выше: церковь на прахѣ Аскольда, соборъ святаго Иліи, святой Софіи, построенной Ольгою, не подлежатъ сомнѣнію; а, конечно, могли быть и другія, забытыя въ дошедшихъ до насъ памятни-

177. Тамъ же.

178. I, 54.

179. Лаврент., 31. Вотъ почему не видятъ ничего необыкновеннаго, неестественнаго, невѣроятнаго во всемъ описаніи гоненія на Христіанъ Святославомъ безпристрастные изслѣдователи. Макарій, Ист. Хр., 327; Соловьевъ, Ист. Росс. I, 149; Филаретъ, Ист. Русск. Церкви, I, 17, прим. 33.

кахъ[180]. Остается одинъ фактъ — извѣстіе о братѣ Святославовомъ, Глѣбѣ. У Нестора не упоминается ни объ одномъ братѣ, и это давало поводъ отвергать его существованіе, и, слѣдовательно, и достовѣрность сказанія отрывка Якимовскаго. Но въ описаніи пріема св. Ольги въ Константинополѣ, при раздачѣ даровъ, послѣ обѣда, ея спутникамъ, приводится и племянникъ Ольги, слѣдовательно двоюродный братъ Святослава[181]. Всего вѣроятнѣе, что этотъ племянникъ принялъ и крещеніе вмѣстѣ съ своею теткою, хотя объ этомъ, равно какъ и о самой Ольгѣ, ничего не говорится у писателей Византійскихъ; но, конечно, Ольга взяла съ собою такихъ людей, которые сочувствовали ей въ дѣлѣ обращенія и не замедлили послѣдовать ея примѣру. Не даромъ же и святитель Ростовскій, Димитрій, собравшій *отъ рукописныхъ древнихъ четьихъ и лѣтописцевъ различныхъ*, говоритъ въ жизнеописаніи Ольги (11 іюля): «*крестишася при ней и отъ пришедшихъ съ нею многи обоего пола.*» Лишь имя племянника не извѣстно; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что бы лѣтописецъ Якимовскій, приводящій Глѣба, какъ брата Святослава, лгалъ, когда существованіе брата несомнѣнно, а его христіанство въ высшей степени вѣроятно и по другимъ достовѣрнымъ источникамъ[182]. Перейдемъ къ дѣтямъ Святослава.

Описаніе борьбы Владиміра съ Ярополкомъ, не отличаясь ни мало въ подробностяхъ отъ изображенія ея Несторомъ, от-

---

180. Нельзя не вспомнить при этомъ и 400 церквей въ Кіевѣ во время Дитмара Мерзебургскаго, слѣдовательно не позже начала XI вѣка. Два христіанскихъ князя, Владиміръ и Ярославъ, едва ли успѣли построить такое огромное количество церквей: видно, что и прежде ихъ было не мало. А показаніе Дитмара, хотя приблизительно, несомнѣнно: его повторяютъ и другіе древніе лѣтописцы. Такъ Еггегардъ, подъ 1018 годомъ, упоминаетъ о 300 церквахъ; то же количество приводитъ и Annalista Saxo, подъ тѣмъ же 1018 годомъ.

181. Post epulas accipiebant illi munera; triginta quidem miliaresia avunculus archontissae, что по-Гречески выражено ἀνεψίος. Const. Porph. тамъ же, p. 597.

182. Не забудемъ, что имя Улѣба, которое такъ сходно съ Глѣбомъ, дважды упоминается въ договорѣ Игоря, отца Святослава: въ первый разъ, какъ имя посла въ Царьградъ; во второй, какъ прилагательное (Улѣбль) при имени жены. А замѣтимъ, что всѣ послы назначаются отъ великаго князя Игоря *и его родственниковъ*. Лаврент. 20; сравн. Ист. Росс. Соловьева, I, прим. 237.

дѣляется рѣзко отъ послѣдняго характеромъ Ярополка, а въ слѣдствіе этого, и причиною неудачи его. Ярополкъ рисуется въ лѣтописи Якимовой приверженцемъ христіанства, покровителемъ его послѣдователей, возбудившимъ тѣмъ нерасположеніе къ себѣ подданныхъ, что и послужило главною причиною несчастнаго для него исхода борьбы съ Владиміромъ. Вотъ какими словами описываетъ Ярополка отрывокъ Якимовскій: «Ярополкъ бѣ мужъ кроткій и милостивый ко всѣмъ, любяше Христіаны, и аще самъ не крестися народа ради, но никому же претяше.» Когда Владиміръ, свѣдавъ объ убіеніи Олега, хотѣлъ бѣжать за море, то Добрыня, «вѣдый яко Ярополкъ не любимъ есть у людей, зане *Христіаномъ даде волю велику*, удержа Владиміра.» Могутъ ли быть приняты эти свидѣтельства за достовѣрныя, или хоть за имѣющія достаточную степень основанія? Укажемъ на всѣ отрывочныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ о Ярополкѣ и относящіяся къ его характеристикѣ. Все время своего дѣтства, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Ярополкъ, какъ извѣстно, проводилъ на глазахъ своей мудрой бабки и былъ подъ ея руководствомъ вмѣстѣ съ другими братьями. Трудно, даже не возможно предположить, чтобы это руководство осталось безъ тѣхъ послѣдствій, какихъ можно ожидать отъ христіанѣйшей Ольги; чтобы она не употребила всѣхъ усилій внушить своимъ внукамъ тѣхъ же правилъ и понятій, какими воодушевлялась сама. И Степенная Книга прямо говоритъ объ этомъ, какъ и о томъ, что Ярополкъ и Олегъ искренно были расположены къ христіанству[183]. Усиліямъ Ольги не могла не содѣйствовать столь же успѣшно и супруга Ярополка, родомъ Гречанка, похищенная Святославомъ изъ монастыря уже черницею[184]. Подъ вліяніемъ двухъ женщинъ, такъ близкихъ къ Ярополку, онъ невольно долженъ былъ проникнуться чувствомъ христіанскаго смиренія, которое прямо высказано въ отрывкѣ Якимовскомъ и которое явственно отразилось на всѣхъ дѣйствіяхъ его и по сказанію Нестора. Вовсе ненамѣренное убіеніе брата его Олега пробудило въ немъ только

183. I, 32.

184. Лаврент., 33.

глубокую скорбь, незамѣтную ни въ одномъ язычникѣ убійцѣ; его плачъ надъ трупомъ Олеговымъ, и слова, сказанныя Свѣнельду, служатъ очевиднымъ свидѣтельствомъ истинно христіанской мягкости сердца. Тотъ же характеръ замѣтенъ и въ войнѣ его съ Владиміромъ: онъ боялся пролитія крови и, при приближеніи Владиміра съ войскомъ, затворился въ Кіевѣ. Одно сознаніе грѣха братоубійства, чуждое язычника, могло сдѣлать Ярополка столь нерѣшительнымъ, настоящимъ ребенкомъ, повинующимся безпрекословно волѣ посторонней, даже при знаніи, что эта воля ведетъ его къ погибели. Такъ, по совѣту Блуда, перебирается онъ изъ Кіева въ Родню; по тому же совѣту, вопреки благоразумнымъ предостереженіямъ приверженнаго къ нему Варяжка, идетъ на явную смерть къ мстителю за кровь брата, Владиміру. Видно, что Ярополкъ считалъ себя виновнымъ и ждалъ наказанія за свою вину, хотя и ненамѣренную; а такой взглядъ не согласенъ съ характеромъ Славянина язычника. Привязанность Ярополка къ христіанству не можетъ не подтверждаться и извѣстіемъ, записаннымъ въ лѣтописи Никоновой, о приходѣ къ нему пословъ отъ папы изъ Рима[185]. Вѣроятно, слухъ объ этой привязанности дошелъ и туда, и первосвященникъ Римскій спѣшилъ воспользоваться ею въ пользу западной церкви. Но что болѣе всего оправдываетъ христіанское настроеніе Ярополка и вмѣстѣ Олега, это свидѣтельство самого Нестора. Вотъ что говиритъ онъ подъ 1044 годомъ своей лѣтописи: «выгребоша 2 князя, Ярополка и Олега, сына Святославля, и крестиша кости ею и положиша я въ церкви святыя Богородицы»[186]. Ясно, что въ половинѣ XI столѣтія знали еще очень хорошо на Руси о расположеніи къ новой вѣрѣ внуковъ и питомцевъ св. Ольги и считали нужнымъ, хоть по смерти ихъ, совершить надъ ними обрядъ, котораго не могли совершить они при своей жизни. Но почему же не могли они креститься, если въ душѣ исповѣдывали христіанство? На этотъ

185. I, 62, подъ 6487 годомъ. Послы изъ Рима являлись и къ Ольгѣ, вскорѣ послѣ ея крещенія (Макар., Ист. Хр. 315 — 318), и къ только что крещенному Владиміру, какъ гласитъ та же лѣтопись Никоновская (I, 104).

186. Лаврент. 67.

вопросъ мы не можемъ, по нашему разумѣнію, отвѣчать иначе, какъ согласно съ сказанными выше замѣчаніями о побужденіяхъ Ольги отправиться для крещенія въ Константинополь. Опасность раздражить народъ — вотъ что единственно могло удержать ихъ отъ крещенія и на что положительно указываетъ отрывокъ Якимовскій. И безъ крещенія непріязнь къ Ярополку была очевидна и, всеконечно, проистекала отъ его расположенности къ христіанству: язычники не могли равнодушно сносить ея, и Блудъ, по всей вѣроятности, былъ только главнымъ дѣятелемъ недовольной партіи язычниковъ, рѣшившейся на низкую измѣну. Только этою измѣною въ пользу язычества и объясняется легкость побѣды Владиміра, какъ ею же, едва ли не вполнѣ справедливо, объясняетъ г. Соловьевъ и необыкновенную ревность послѣдняго, въ первые годы княженія, къ язычеству. И такъ, не смотря на кажущееся, съ перваго взгляда, несогласіе отрывка Якимовскаго, въ изображеніи Ярополка, съ Несторомъ, мы не можемъ, принявъ въ соображеніе всѣ разнообразныя о немъ свѣдѣнія, отказать ему въ достовѣрности. Во всякомъ случаѣ, противорѣчія въ изображеніи этомъ начальной Кіевской лѣтописи не замѣтно ни сколько, и молчаніе здѣсь Нестора прибавляетъ только къ значительной уже массѣ доказательствъ новое, — сколь многихъ извѣстій, болѣе или менѣе важныхъ, о древнемъ состояніи нашего отечества должны бы были лишиться мы, если бы намъ пришлось ограничиться имъ однимъ. Обратимся наконецъ къ описанію княженія Владиміра, которымъ и заключается отрывокъ Якимовской лѣтописи.

Упомянувъ кратко о войнѣ съ Мечиславомъ Польскимъ, и еще короче о войнѣ съ Болгарами, лѣтописецъ Якимовскій передаетъ извѣстіе о крещеніи Владиміра въ такихъ словахъ: «и пріятъ крещеніе самъ и сынове его, и всю землю Русскую крести.» Вслѣдъ за этимъ читаемъ извѣстіе, о которомъ нѣтъ и помину у Нестора: *царь же Болгарскій Симеонъ присла іереи учены и книги довольны.* До сихъ поръ никто не останавливался на этомъ мѣстѣ, съ цѣлью объяснить его и показать его возможность; напротивъ, въ немъ-то противники Якимовой лѣтописи и думаютъ видѣть одно изъ самыхъ положительныхъ доказательствъ ея неподлинности, подлога. Въ самомъ дѣлѣ, Бол-

гарскій царь Симеонъ, столь извѣстный въ исторіи Византійской и Славянской, умеръ еще въ 927 г. и, слѣдовательно, никакимъ образомъ не могъ принимать участія въ дѣлѣ обращенія Владиміра; современнымъ же послѣднему правителемъ въ Болгаріи былъ Самуилъ, которому, если бы онъ былъ и Симеонъ, едва ли бы доставало времени заботиться о Руси: всѣ 39 лѣтъ своего господства надъ Болгаріею (975 — 1014) принужденъ онъ былъ проводить въ непрерывавшейся ни на одинъ годъ войнѣ съ императоромъ Греческимъ. Откуда же лѣтопись Якимовская взяла Болгарскаго князя Симеона? Борисъ и Романъ, дѣти Петра I, сына и наслѣдника великаго Симеона, еще въ 963 году, отданы были отцемъ своимъ заложниками въ Константинополь. По смерти Петра, Борисъ пробрался было въ Болгарію, чтобы занять упразднившійся престолъ, но былъ убитъ въ 971 году. Романъ не могъ ничего сдѣлать противъ усиливавшагося узурпатора Самуила и предался вполнѣ Грекамъ, надѣясь при помощи ихъ утвердиться въ Болгаріи, на которую онъ имѣлъ неотъемлемое право, какъ единственный законный наслѣдникъ. Этотъ-то Романъ и назывался, въ честь своего дѣда, Симеономъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Кедринъ и Зонара[188]. Такимъ образомъ, Симеонъ былъ, и притомъ имѣвшій право на титулъ царя Болгарскаго, и, слѣдовательно, лѣтопись Якимовская не можетъ представлять въ этомъ обстоятельствѣ ни малѣйшаго анахронизма, который бы обличалъ ее въ подлогѣ. Труднѣе рѣшить вторую половину этого вопроса: отправлялъ ли Симеонъ Владиміру іереевъ и книги, потому что нѣтъ на это никакихъ указаній ни у туземныхъ, ни у иноземныхъ писателей. Но, соображая характеръ православія въ Болгаріи, слишкомъ сто лѣтъ уже какъ крещенной, совершавшей съ первыхъ лѣтъ богослуженіе на родномъ языкѣ — Славянскомъ, имѣвшей въ переводѣ на этотъ языкъ всѣ необходимыя церковныя книги; трудно представить, чтобы она оставалась холодною зрительницею сама при принятіи того же православія Русскимъ народомъ, ей единоплеменнымъ и едино-

---

187. Ист. Росс. I, 150.

188. Сравн. Истор. разн. народ. Слав. Ранча, Спб., 1795, I, 265 — 266.

языческимъ; какъ трудно предположить, чтобы и самъ равноапостольный Владиміръ не извлекъ изъ нея всего, что было необходимо для успѣшнаго распространенія христіанства, чѣмъ была богата уже Болгарія и чего или вовсе не было на Русской землѣ, или что обращалось въ весьма ограниченномъ количествѣ. Не на Греческомъ же языкѣ слушалъ святую службу Владиміръ, еще менѣе его подданные; да немного и духовныхъ можно было найти изъ природныхъ Грековъ, которые бы знали языкъ Славянскій и которымъ тѣмъ менѣе могъ бы давать Владиміръ *дѣтей нарочитое чади на ученье книжное*[189]. И ни одинъ списокъ лѣтописей, ни другой какой либо письменный памятникъ, не дѣлаетъ никакого намека на Греческое у насъ богослуженіе; напротивъ, открытыя и открываемыя Славянскія рукописи, частію Болгарской редакціи, частію переписанныя на Руси, съ оттѣнками Русскаго нарѣчія, своею древностію, восходящею почти къ X вѣку, къ вѣку св. Владиміра, служатъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что ученіе Христово, съ первыхъ дней его появленія въ нашемъ отечествѣ, облеклось въ Славянское, родное ему слово. Нельзя забыть при этомъ и свидѣтельства издателей Библіи Острожской (1581 г.), что имъ доставленъ былъ изъ Москвы, отъ царя Іоанна Васильевича, списокъ библіи временъ Владиміра I[190]; и это очень естественно, потому что задолго еще до него въ Болгаріи былъ уже готовъ полный переводъ Св. Писанія[191]: имъ то и воспользовался Владиміръ. Да и мудрая Ольга, обращеніе которой брали въ примѣръ и самъ князь, и его подданные, могла указать своему внуку только на Славянское богослуженіе, потому что Греческаго языка она не понимала, сколько можно судить по находившимся у ней двумъ переводчикамъ во время пріемовъ ея въ Константинополѣ[192].

---

189. Лаврент., 51.

190. Предисл. къ Остр. Еванг. Востокова. 1843, стр. II.

191. Іоан. Экз. Болг. Калайдовича. 1824, стр. 129.

192. Const. Porph. De cerim. II, 597. А между тѣмъ, по словамъ того же Багрянороднаго, она имѣла *своего священника*, съ которымъ и пріѣхала изъ Кіева въ Царьградъ: ясно, что Григорій наставлялъ ее въ истинахъ православія на понятномъ, слѣдовательно Славянскомъ языкѣ. Да и сами Греки заботились о про-

Вотъ почему новѣйшимъ изслѣдователямъ и выраженіе Якимовской лѣтописи, будто митрополитъ Михаилъ, присланный патріархомъ Владиміру, былъ Болгаринъ, равно епископы, священники, діаконы и демственники были Славяне, не только не кажется подозрительнымъ, а, напротивъ, вполнѣ вѣроятнымъ, оправдываемымъ естественною нуждою Руссовъ и состояніемъ богослуженія у Болгаръ[194]; вотъ почему, прибавимъ съ своей стороны и мы, не должно возбуждать сомнѣнія и извѣстіе о присылкѣ іереевъ и иконъ Симеономъ Болгарскимъ. Замѣчаніе Нестора, что духовенство явилось къ намъ отъ патріарха, изъ Греціи, столь же остается справедливымъ и при полномъ довѣріи къ извѣстіямъ Якимовской лѣтописи. Болгарія въ X вѣкѣ не имѣла еще своего патріарха и находилась въ вѣдѣніи патріарха Цареградскаго, который такъ же самостоятельно могъ распорядиться отправкою въ Россію духовныхъ оттуда, какъ отправилъ бы онъ ихъ и изъ самой Греціи, и въ глазахъ Руссовъ въ томъ и другомъ случаѣ духовные одинаково должны были казаться явившимися изъ Греціи. Здѣсь не лишнее будетъ припомнить и замѣчаніе Стрыйковскаго, заимствовавшаго свѣдѣнія о Руси изъ древнихъ лѣтописей Русскихъ, что Владиміръ отдалъ сыновей своихъ и дѣтей боярскихъ учить Греческому и Славянскому письму. Конечно, всего лучше и легче послѣднему могли научить Болгары[195]: послѣ-

---

повѣди и богослуженія на языкѣ туземномъ: вотъ почему и въ Житіи пятнадцати мучениковъ Тиверіопольскихъ (составленномъ въ IX — X вѣкѣ архіепископомъ Болгарскимъ Ѳеофилактомъ I), повѣствующемъ о перенесеніи трехъ святителей въ Брагалиничъ, тотчасъ почти по принятіи Борисомъ христіанской вѣры, между прочимъ сказано, что при храмѣ, гдѣ были положены мощи, поставленъ былъ и *клиръ, знающій Болгарскій языкъ, для отправленія на немъ священнослуженія.* Слав. Сборн. Сав.-Рост. 54.

193. О демественникахъ, наставникахъ въ пѣніи церковномъ, говоритъ и преподобный Несторъ. Въ его время, въ Кіевѣ, былъ для нихъ и особый дворъ, что можно видѣть изъ описанія имъ прежняго мѣстоположенія Кіева: ....а перевѣсище бѣ внѣ града и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже бѣ дворъ демьстиковъ (по др. списку: деместниковъ). Лаврент. 23.

194. Шафар. Разцвѣтъ Слав. литер. въ Болгар., стр. 22; Макар. Ист. Хр., 876; Солов. Ист. Росс. I, 164.

195. ....i dał wszystkich przerzeczonych synów swoich i przy nich kilkoset synów bojarskich pisma Greckiego a Hłaholskiego (którego dziś Ruś używa) uczyć, przełożywszy nad nimi diaki i młodzieńce ćwiczone. Kron. Stryjk. I, 132.

дующія непрерывныя и тѣсныя сношенія съ монастырями Славянскими на Аѳонѣ и въ Болгаріи, имѣвшія цѣлью заимствованіе или переписываніе церковныхъ и вообще религіозныхъ книгъ, бывшія уже въ полномъ разгарѣ во времена Ярослава, служатъ новымъ подтвержденіемъ той же истины, что такія сношенія были только продолженіемъ прежнихъ, начатыхъ св. Владиміромъ. Молчаніе Нестора, повторяемъ, ничего не доказываетъ; онъ не сказалъ ни слова и о первомъ митрополитѣ, Михаилѣ, по лѣтописи Якимовской, присланномъ Владиміру отъ патріарха: и неужели же это молчаніе должны принимать мы за доказательство недѣйствительности показанія отрывка, когда то же самое утверждаютъ и другіе списки лѣтописи и не менѣе достовѣрные памятники церковные. Такъ, о Михаилѣ, какъ о первомъ митрополитѣ на Руси, говорятъ: Никоновская лѣтопись, Густинская, Степенная Книга, Несторъ, по списку Татищева, Патерикъ Кіево-Печерскій (въ предисловіи), Кіевскій Синопсисъ, Четиминеи (подъ 15 іюля), наконецъ четыре Синодика, переписанные съ древнихъ подлинниковъ [196].

Болѣе рѣзкую особенность представляетъ отрывокъ Якимовскій въ свидѣтельствѣ о крещеніи Руссовъ первыми пастырями нашей новоустроенной церкви. Вотъ какъ говоритъ онъ о митрополитѣ Михаилѣ: «сіи шедше по земли съ вельможи и вои Владиміровыми, учаху людъ и крещаху всюду, стами и тысящами, колико гдѣ прилучися, аще людіи невѣрніи вельми о томъ скорбяху и роптаху но отрицатися, *воевъ ради, не смѣяху.*» Этими словами указывается какъ будто на принужденіе, чего, по общему мнѣнію, основанному на свидѣтельствѣ Нестора, не было на Руси; но если дѣйствительно вѣра Христова, говоря вообще, не встрѣтила съ первыхъ дней сопротивленія, если всюду почти принялась она кротко, миролюбиво, особенно въ Кіевѣ, то несправедливо было бы думать, что безъ исключенія вездѣ и всѣми была принята она съ одинакою любовью и охотою [197]. Находились и такіе упорные умы, которые не только

---

196. Никон. лѣт., I, 103; Полн. Собр. Русск. лѣт., II, 256; Степ. Кн., I, 134. Ист. Росс. Татищ. II, 173; Опис. рук. Рум. муз., стр. 372, 373, 377, 381.

197. Макар. Ист. Хр., 387.

отказывались креститься, но и съ неистовствомъ возставали противъ обратилелей. Самъ Несторъ говоритъ уже о плачѣ жителей Кіевскихъ при проводахъ Перуна; а Симонъ, епископъ Владимірскій, въ своемъ посланіи къ Поликарпу, прямо утверждаетъ, что первый епископъ Ростовскій, Леонтій, поставленный именно во время описываемаго отрывкомъ путешествія Михаила съ епископами, былъ мучимъ Ростовцами язычниками и убитъ[198]. Мудрено ли, послѣ этого, что противъ подобныхъ мятежниковъ, грозившихъ насиліемъ обращеннымъ, находилось въ готовности и войско? Отсюда понятно и описаніе, въ томъ же отрывкѣ Якимовскомъ, введенія христіанства въ Новгородѣ, сопровождавшагося пожаромъ и битвою. Останавливаться на этомъ описаніи, оправдывать его вѣроятность или дѣйствительность, я считаю лишнимъ, потому что оно достаточно разобрано въ такъ часто приводимыхъ мною произведеніяхъ преп. Макарія и г. Соловьева, изъ которыхъ первый рѣшительно называетъ обращеніе Новгородцевъ, по Якимовской лѣтописи, *дѣломъ весьма сбыточнымъ*, а послѣдній внесъ полное его описаніе, въ преложеніи на современный языкъ, въ текстъ своей Исторіи[199].

---

198. Памятн. Русск. слов. XII в. Калайд., 256.

199. Макар., тамъ же, 388; Солов., тамъ же, I, 162—163. Въ приведенномъ разсказѣ упоминается о существованіи въ Новгородѣ христіанъ до прихода туда Іоакима, даже о церкви Преображенія, разрушенной неистовыми мятежниками. Преосвященный Макарій возводитъ построеніе этой церкви ко времени похода Новгородцевъ, съ княземъ Бравалиномъ, на Сурожъ, въ концѣ VIII или въ самомъ началѣ IX вѣка (Ист. Хр. 169—178). Напротивъ, г. Соловьевъ считаетъ и церковь, и христіанъ въ Новгородѣ, до прибытія Іоакима, плодомъ проповѣди митрополита Михаила, приходившаго, по лѣтописи Никоновой, за два года до поставленія перваго епископомъ Новугороду (Ист. Росс. I, прим. 237). Дѣйствительно, Никонов. лѣтопись только въ 992 году, при второмъ митрополитѣ Леонѣ, отправляетъ Іоакима на епископство въ Новгородъ, между тѣмъ уже подъ 990 говоритъ о проповѣди тамъ, объ истребленіи идоловъ, о крещеніи людей и поставленіи церквей первымъ митрополитомъ. Но а) третья Новгородская лѣтопись ни слова не говоритъ о Михаилѣ и изображаетъ Іоакима первымъ, ниспроворгнувшимъ язычество въ Новгородѣ; б) по свидѣтельству той же лѣтописи, равно и второй Новгородской (Полн. соб. Русск. лѣт., III, 207, 121, 210), Іоакимъ скончался въ 1030 году, бывъ *во епископіи 42 лѣта*. Этимъ ясно опредѣляется 989 годъ его прибытія, когда не являлся въ Новгородѣ митрополитъ Михаилъ и по Никонов. лѣтописи. Вотъ вѣроятнѣе, почему отрывокъ Якимовскій и не говоритъ ни слова о митрополитѣ, котораго не было въ Новгородѣ ни прежде, ни въ первое время дѣятельности Іоакима (Сравн. Ист. Росс. Соловьева, I, прим. 237).

Остается разсмотрѣть извѣстіе о дѣтяхъ и женахъ св. Владиміра и о раздѣленіи между первыми удѣловъ, чѣмъ и оканчивается Якимовскій отрывокъ лѣтописи. Но и этотъ предметъ изслѣдованъ полно и отчетливо авторомъ *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, и также въ совершенную пользу заподозрѣнной лѣтописи [200]. Въ этомъ изслѣдованіи ясно показана и гораздо большая вѣроятность отрывка въ назначеніи матерью старшаго сына Владиміра, Вышеслава, Олавы Варяжской, чѣмъ Несторовой Чехини, равнымъ образомъ и въ назначеніи Адили матерью Мстислава, который у Нестора является съ двумя матерями: Рогнедою и Чехинею [201], и притомъ на одной страницѣ, почти въ одной строкѣ; не менѣе основательны доказательства и рожденія Бориса и Глѣба отъ Анны царевны, какъ гласитъ о томъ лѣтопись Якимовская. На послѣднемъ, какъ на болѣе важномъ предметѣ, позволяемъ себѣ остановиться и мы. По свидѣтельству Нестора, Борисъ и Глѣбъ родились отъ Болгарыни; отъ Болгарыни произведены они и въ лѣтописяхъ Польскихъ; между тѣмъ, по отрывку Якимовской лѣтописи назначается имъ матерью царевна Анна. Принимая въ соображеніе извѣстіе, что эта Анна была сестрою Греческихъ императоровъ Василія и Константина, нельзя не удивиться противорѣчію извѣстій и, при увѣренности въ достовѣрности сказанія Нестора, не видѣть непростительной ошибки отрывка Якимовскаго, невозможной вовсе для лица, современнаго Владиміру, какимъ былъ епископъ Іоакимъ. Но разсмотримъ дѣло ближе. Борисъ и Глѣбъ вездѣ изображаются дѣтьми одной матери: и во всѣхъ спискахъ Нестора, и у писателей Польскихъ, и въ Книгѣ Степенной, гдѣ прямо говорится о Глѣбѣ: *иже бяше единоматеренъ ему* (Борису) [202]; то же подтверждаетъ и особенная взаимная любовь ихъ другъ къ другу. Ежели они не были дѣтьми царевны Анны, то и младшій братъ, Глѣбъ, не могъ родиться позже 988 года, потому что, принявъ въ этомъ году христіанскую вѣру и женившись на Греческой царевнѣ, Влади-

---

200. Солов., тамъ же, I, 184 — 186.

201. Лаврент., 34.

202. I, 186.

міръ не могъ имѣть другихъ женъ, — и отрывокъ Якимовскій вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что *вскорѣ по крещеніи онъ отпусти жены отъ себя;* если же Глѣбъ родился и позже 988 года, то во время убіенія своего Святополкомъ (1015 г.) онъ долженъ былъ имѣть не менѣе 27 лѣтъ отъ роду, а Борисъ еще болѣе того. Между тѣмъ далеко не въ такомъ возрастѣ изображаются святые мученики въ ихъ жизнеописаніи. По послѣднему Борисъ былъ *аки цвѣтъ въ юности своей, брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще;* въ предсмертной молитвѣ онъ самъ говоритъ о молодости своей: увы мнѣ преблаженне отче мой Василіе, свѣте очію моею, сіяніе и заре лица моего наказаніе *юности моея и неразумія моего*[203]. Молодость Глѣба очерчена еще рѣзче. Вотъ какъ умоляетъ онъ убійцъ пощадить его: не пожните мене отъ житія сего, *яко класа не созрѣла;* не порѣжите мене, *яко лозы не до конца возрастшія, а плодъ имущу*.... азъ убо, братіе, якожъ видите, *возрастомъ, не злобою младенствую*[204]. Не даромъ и составитель житія ихъ сравниваетъ обоихъ мучениковъ съ малолѣтними современными ему князьями: мнози бо суть нынѣ *дѣтескы князи*, непокоряющеся старѣйшимъ и супротивящеся имъ и убиваеми суть: ти не суть такой благодати сподоблени[205]. При такомъ изображеніи не возможно положить и Борису 27-лѣтняго возраста, тѣмъ менѣе уже Глѣбу и, слѣдовательно, никакъ нельзя отнести рожденіе и старшаго брата къ послѣднему году язычества Владиміра, или къ первому христіанства. Такимъ образомъ, оба сына Равноапостольнаго могли родиться только во время брака послѣдняго съ Анною и, разумѣется, отъ нея. Едва ли не этимъ

---

203. Тамъ же, 188.

204. Тамъ же, 195, 196. Нельзя не обратить вниманія и на названіе, въ Житіи Бориса и Глѣба, перваго — *юношею*, втораго — *младенцемъ*. Изъ семи возрастовъ *человѣческаго житія*, опредѣляемыхъ въ словарѣ Берынды, младенецъ занимаетъ первую степень, до 9 лѣтъ, юноша пятую, низшимъ предѣломъ которой полагается 15 или 20 лѣтъ, а высшимъ 30 лѣтъ (Сказ. Русск. нар. Сахар., II, 58 и 117). Подобное же распредѣленіе находимъ и въ *колѣн. родства человѣча*, изображенномъ въ одномъ изъ старыхъ алфавитовъ (Опис. рук. Рум. муз., № III, 5); здѣсь для младенца опредѣлена тоже первая степень, простирающаяся до *7 лѣтъ*, *егда бываетъ зубомъ исподеніе*, для юноши — четвертая, *отъ 21 лѣта до 29 г.*

205. Извѣстія Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, II, 218.

только происхожденіемъ Бориса и Глѣба отъ Анны можно объяснить и сопоставленіе ихъ въ древнихъ Синодикахъ рядомъ съ Владиміромъ и его христіанскою супругою[206]; какъ на Христіанку мать указываютъ и слѣдующія слова молитвы Глѣба предъ убіеніемъ: спасися, милый мой отче Василіе, спасися мати, *госпоже моя.* Самое выраженіе лѣтописца о Борисѣ: *свѣтися царьскы*, вѣроятно употреблено съ цѣлью, какъ догадывается и г. Соловьевъ, показать царственное ихъ происхожденіе по матери[208]. Какъ же согласить два разнорѣчія: Борисъ и Глѣбъ отъ Болгарыни, и вмѣстѣ отъ Анны, сестры императоровъ Греческихъ? Едва ли не придется обратиться къ мнѣнію Татищева, что Анна была не родною сестрою Василія и Константина. Дѣйствительно, современные Византійскіе писатели не упоминаютъ о дочери Романа, Аннѣ, говоря очень ясно объ Епифаніи, супругѣ Оттона II: такое молчаніе странно въ устахъ современника. Послѣдующіе писатели, начиная съ Скиллицы, не говорятъ также, чтобю она была родною, а просто сестрою. Съ другой стороны есть свидѣтельство о бракѣ царя Болгарскаго Петра I съ сестрою Романа II, отца Василія и Константина. Дочь этого Петра, если только она была, необходимо должна была, при неурядицахъ въ Болгаріи, проживать въ Константинополѣ, какъ тамъ же жили и сыновья Петровы, Борисъ и Романъ. Здѣсь всего естественнѣе можно найти объясненіе недомолвокъ въ нашей лѣтописи: тогда будетъ вполнѣ справедливъ и Несторъ, какъ и составитель отрывка Якимовскаго: Борисъ и Глѣбъ отъ Болгарыни, потому что Анна была, въ такомъ случаѣ, дочерью Петра, и отъ сестры императоровъ Василья и Константина, потому что она была племянницей ихъ отцу, Роману II[209].

---

206. Опис. рук. Еум. муз., № CCCLXXXIV и CCCLXXXVII, 574.

207. Степ. Кн., I, 196.

208. Ист. Росс. I, 186.

209. Сравн. Татищ. II, 408—409; Истор. разн. Слав. нар. Раича, I, 257. Существованіе у Петра Болгарскаго дочери, быть можетъ и не одной, находитъ довольно положительное подтвержденіе въ сочиненіи Льва Діакона, какъ въ немъ же встрѣчаемъ и прямое указаніе на отвозъ дѣвицъ царской крови, по смерти Петра, въ Константинополь. Вотъ какъ говоритъ Левъ Діаконъ: «По смерти Петра Болгар-

Этимъ оканчиваемъ мы разборъ второй части отрывка Якимовскаго. Въ немъ старались мы исключительно останавливаться на такихъ только извѣстіяхъ, которыя не приводятся въ лѣтописи Нестора, которыя, слѣдовательно, возбуждаютъ сомнѣніе въ дѣйствительности ихъ въ глазахъ людей, безусловно довѣряющихъ одному Нестору, и которыя, по тому самому, ставили и отрывокъ Якимовской лѣтописи въ число подозрительныхъ, даже очевидно подложныхъ памятниковъ. Такое мнѣніе основательно, какъ видѣли мы, относительно первой половины отрывка; но то ли должны мы сказать о второй? При всемъ безпристрастіи, съ какимъ разсмотрѣна эта часть, мы не встрѣтили ничего въ ней такого, что бы противорѣчило лѣтописцу Кіевскому или было несогласно съ общимъ развитіемъ и состояніемъ государства Русскаго, въ описываемое ею время; напротивъ, при полномъ согласіи съ этимъ развитіемъ и состояніемъ, мы на каждую особенность, сравнительно съ Несторомъ, находили подтвержденіе, большею частію прямое, иногда въ видѣ намека, въ другихъ источникахъ исторіи отечественной, иноземныхъ и туземныхъ, достовѣрность которыхъ неоспорима. Этого мало; нѣкоторыя особенности отрывка опредѣлили точнѣе и смыслъ замѣтокъ самаго Нестора, безъ нихъ неясный, непонятный, каковы: легкость занятія Кіева Олегомъ и Владиміромъ, построеніе церкви на могилѣ Аскольда, крещеніе костей Ярополка и Олега и др. И неужели же послѣ всего этого мы должны снова остаться при старомъ мнѣніи о лѣтописи Якимовской, что она пустая выдумка, наполненная глупыми сказками и бреднями? Такой отзывъ былъ не совсѣмъ простителенъ и за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда, при неизвѣстности многихъ матеріаловъ и при отсутствіи монографическихъ изслѣдованій, можно еще было проникнуться исключи-

---

скаго, императоръ Никифоръ отправилъ въ Болгарію патриція Эротика и настоятеля Филоѳея съ *убѣжденіемъ и просьбою отдать дѣвицъ царской фамиліи въ замужство за сыновей императора Романа*.... Мисяне радостно приняли посольство, посадили дѣвъ царской крови въ повозки и послали ихъ къ императору» (Corp. script. hist. Byz. XI, lib. V, 77—81). Сравн. Истор. Сборн. Погодина, VI, 208—209, въ статьѣ Черткова: Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ и Грековъ.

тельнымъ увлеченіемъ къ Нестору; и тогда онъ долженъ былъ показаться въ глазахъ безпристрастнаго судьи пристрастнымъ, зависѣвшимъ скорѣе отъ личнаго настроенія произносившаго его, чѣмъ отъ сознанія основаній, добытыхъ здравою критикою. Что же сказать о нашемъ времени, когда нѣтъ недостатка и въ матеріалахъ, и въ монографическихъ изслѣдованіяхъ, и когда тѣ и другіе только подтверждаютъ и оправдываютъ сказанія запятнанной подозрѣніемъ лѣтописи? И мы, основываясь на предложенномъ разборѣ, рѣшаемся смѣло и открыто признать вторую часть лѣтописи Якимовой содержащею достовѣрныя, дѣйствительныя извѣстія о нашемъ отечествѣ, такъ же какъ, чуждые увлеченія, нашли первую ея половину компиляціею изъ хроникъ Польскихъ и другихъ ложныхъ сказаній запада. Вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ удержаться и отъ признанія важности достовѣрной половины отрывка. Эта важность заключается преимущественно въ ея религіозно-христіанскомъ направленіи. Видно, что составитель обращалъ особенное вниманіе на постепенное развитіе христіанства въ нашемъ отечествѣ, — оно было для него какъ бы главною цѣлію, съ которою взялся онъ за лѣтопись; и вотъ почему такъ отрывочны, скудны извѣстія политическія, и, наоборотъ, сравнительно съ послѣдними, такъ богаты свѣдѣнія о христіанствѣ, церкви и іерархіи. Съ этой стороны лѣтопись Якимовская — драгоцѣнный памятникъ для исторіи отечественной: возводя положительно христіанство ко времени Аскольда, она одними событіями, приведенными и разсказанными безъискусственно, просто, раскрываетъ предъ нами отношенія къ нему князей и народа, какъ и отношенія послѣднихъ, подъ вліяніемъ того же христіанства, другъ ко другу. Только она такъ прямо и рѣшительно опредѣляетъ значеніе у насъ вѣры Христовой въ IX и X столѣтіяхъ и вліяніе ея на дѣла государственныя: чрезъ нее становится для насъ понятнымъ и оставленіе Кіевлянами Аскольда въ пользу Олега, и слабость Ярополка въ борьбѣ съ Владиміромъ, и особенная любовь послѣдняго къ Борису [211].

---

210. Это религіозное направленіе всего естественнѣе объясняетъ и пропускъ Дира, о крещеніи котораго нѣтъ никакихъ указаній.

211. Сравн. Истор. Росс. I, 1 5 — 186.

Христіанское направленіе лѣтописи всего лучше указываетъ и на духовную личность ея составителя. Кто же былъ ея составителемъ? Основываясь на томъ, что при описаніи введенія христіанства въ Новгородѣ, отрывокъ лѣтописи употребляетъ глаголъ въ первомъ лицѣ: *«пріидохомъ, мы же стояхомъ, ходихомъ, учахомъ, прибыхомъ»* и т. п., и на припискѣ въ началѣ тетради, присланной къ Татищеву: *«святитель Іоакимъ написа»*, Татищевъ признаетъ ея авторомъ перваго Новгородскаго епископа Іоакима. Не принимая этого мнѣнія за положительно достовѣрное, мы позволяемъ себѣ однако же замѣтить, что и въ немъ нѣтъ ничего неестественнаго и несогласнаго съ личностію Іоакима, какою изображается она и по лѣтописямъ Новгородскимъ. Іоакимъ, какъ епископъ, поставленный въ странѣ, гдѣ христіанство только что возникло, конечно, не могъ не знать языка Славянскаго, если даже допустить, что онъ былъ и природнымъ Грекомъ; а его просвѣщенность и заботливость о просвѣщеніи паствы, выразившіяся въ названіи его наставникомъ и въ предсмертномъ увѣщаніи пріемника Ефрема, бывшаго его ученикомъ: «учити люди новопросвѣщенные.... чтобъ мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскія вѣры не держали и не имѣли бъ», — скорѣе ручаются въ возможности быть ему и лѣтописцемъ, чѣмъ противорѣчатъ ей[212]. Но такъ какъ дѣло останавливается все таки на возможности, и такъ какъ нѣтъ другого положительнаго свидѣтельства о составителѣ этой лѣтописи, то мы и считаемъ достаточнымъ ограничиться слѣдующимъ о немъ заключеніемъ. Кто бы ни былъ по имени и по званію авторъ второй половины лѣтописи Якимовской, былъ ли то епископъ Іоакимъ, или другой кто, но то, надѣемся, не-

---

212. На ту же просвѣщенность и заботливость дѣлаетъ намекъ и отвѣтъ Зиновія Захарію клирику, что первый видѣлъ древній переводъ Правилъ, переписанный во время Ярослава I и *при епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашея земли*. Христ. Чтен. 1853, Ноябрь, 401. Видно, Іоакимъ заботился какъ объ оригиналахъ, такъ и о новыхъ спискахъ, и тѣмъ положилъ начало школѣ, изъ которой вышли переписчики Остромирова Евангелія, Сборниковъ Святослава (Симеона Болгарскаго), Евангелія Мстислава и др. Не содѣйствовалъ ли Іоакимъ и сильной любви къ книгамъ Ярослава, съ которымъ довольно долгое время проживалъ въ Новгородѣ?

сомнѣнно, что онъ былъ близокъ къ эпохѣ имъ описанной, и если не былъ современникомъ самъ крещенія Новгородцевъ, то зналъ о немъ отъ лицъ бывшихъ тамъ, или слышавшихъ отъ очевидцевъ; былъ, по всей вѣроятности, лицемъ духовнымъ далеко не принадлежавшимъ къ разряду *средневѣковыхъ монаховъ варваровъ;* напротивъ, судя по отчетливости въ изложеніи, по полнотѣ въ самой сжатости содержанія, по вѣрности свѣдѣній о древнѣйшемъ бытѣ народа Русскаго, его скорѣе можно присоединить къ необильному числу просвѣщенныхъ писателей древности. Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить ни объема этой лѣтописи, ни первоначальнаго ея вида: до насъ дошелъ лишь одинъ ея списокъ, и то въ отрывкѣ, списокъ позднѣйшій, явившійся не раньше начала прошлаго столѣтія. Въ такомъ ли видѣ былъ и оригиналъ его, это остается тайною. Только баснословное начало, очевиднѣйшимъ образомъ составленное въ XVIII вѣкѣ, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи очерка Славянъ Русскихъ до прибытія Рюрика и образованіи имъ Русскаго государства. Это-то отсутствіе, безъ сомнѣнія, и побудило начитаннаго Мельхиседека приставить свое начало, согласно съ тѣми извѣстіями, какія извлекъ онъ изъ хроникъ Польскихъ и другихъ книгъ старыхъ, которыхъ у него такъ было много, по собственному же его признанію, хотя и отнесенному на счетъ мнимаго Веніамина. Этому самодѣльному началу и должно приписать неохоту, съ какою показывалъ Мельхиседекъ рукопись постороннимъ: онъ боялся, чтобы не обличили его въ приставкѣ составленнаго имъ начала, столь баснословнаго, къ лѣтописи, носящей всѣ признаки достовѣрности.

Къ несчастію, боязнь его оправдалась болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Грубо сложенное начало повело къ отрицательному заключенію и о самой лѣтописи, и послѣдняя, въ глазахъ ученыхъ, явилась глупостію, бредней, выдуманной.... Но будемъ благодарны Мельхиседеку за то, что онъ сохранилъ для насъ хотя небольшую часть лѣтописи, если только и у него самого было многимъ болѣе; простимъ ему и за измѣненія, какія могъ допустить онъ въ языкѣ, при перепискѣ, а быть можетъ, и въ сокращеніи содержанія, и воспользуемся извѣстіями,

